

Сергей Герасимов

Шаги за спиной

Сергей Владимирович Герасимов

Шаги за спиной

Авторский вариант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156345

Содержание

1	5
2	15
3	18
4	23
5	29
6	32
7	35
8	42
9	46
10	51
11	55
12	58
13	60
14	68
15	71
16	78
17	83
18	84
19	86
20	96
21	98
22	108
23	112

24	115
25	121
26	125
27	129
28	133
29	136
30	138
31	141
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Сергей Герасимов

Шаги за спиной

1

У крутого песчаного склона река разливалась небольшим озером, потом, вильнув, уходила в сторону.

Внизу, вдоль самой реки, тянулась тонкая пешеходная дорожка; местами переходила в призрак дорожки, затем появлялась снова. Впрочем, по ней никто не ходил. Автомобильная дорога шла по холмам, через лес. Все интересное было вверх: вид как на открытке, милая компания, идея костра с шашлыками.

Они приехали на двух Москвичах, вишневом и оранжевом. Оранжевый принадлежал Пашке, крутому мальчику с богатырскими плечами и усами а-ля старые цирковые силачи. В правом усе несвоевременный проблеск седины – мemento мори. С Пашкой приехал давний, хотя и не близкий друг Валерий. Бывают вполне дружеские отношения, когда друзья держатся на расстоянии; на расстоянии километров, месяцев между встречами, поверхностных фраз. И все равно, дружба глубока.

Есть слишком много видов дружбы, чтобы объединять их в одном затасканном слове. Пашка жил один, на окраине,

любил рыбалку до странности (в детстве было то же самое), знал о рыбалке все и всем делился. Раза два они выезжали вдвоем с Валерием и Валерий не поймал просто ничего, хотя и следовал дружеским советам.

Был еще слабознакомый Гена, взятый по причине наличия второго Москвича. Остальные – трое девочек, наловленных специально к случаю. С девочками повезло: именно тот баланс распутства и скромности, которого не хватает большинству. Большинство соскальзывает с этой грани.

Днем Валерий продемонстрировал свое умение удить рыбу (вышло впервые в жизни), попрыгал в воду с дерева и побоксировал с Пашкой. Последнее – с закономерным исходом.

Школьные друзья, они с третьего класса все делали вместе.

Вместе записались на гобой, вместе бросили, вместе влюбились в пятом в какую-то старшую Нэллиу, вместе записались на бокс.

Года через два Валерий бросил бокс и занялся музыкой. Пашка продолжал заниматься и где-то даже выступал, хотя и не выигрывал ничего.

К вечеру все успели накупаться, напрыгаться в воду, нацеловаться невзначай и обменяться данными о себе. Пришло время шашлыков. Хотя разжигать костры было строго запрещено очередным грозным объявлением по радио, полянка над песчаным обрывом была полностью выжжена. Не взяв

большого греха на душу, они разложили новый костер. Ветви навалили на высоко спиленный смолистый пенек. Стало тихо с потрескиванием – особенный, насыщенный покой, который бывает только в приречном лесу у костра. Никто толком не умел готовить.

Костер прогорел быстро, шашлыков не получилось. Начиало темнеть. Темнота собиралась пока только в лесу; небо над рекой продолжало сиять.

Через дорогу, метрах в ста, горел еще один костер. Там гуляли четверо или пятеро. Гуляли во всю, что-то праздновали. Орали, дрались и выглядели довольно буйно.

Девочки слегка побаивались, но расслаблялись, взглянув на Пашку. Пашка несокрушим, как памятник вождю.

Пожалуй, пора уезжать. Маленький праздник закончился.

Еще полчаса и все. Никто не хотел одеваться, хотя комары настаивали. Хотелось еще потянуть время.

Трое чужих отошли от костра. Валерий сразу поймал их взглядом и вел без большого удовольствия. Впереди шел мальчишка в белых штанах и белой майке, очень молодой и очень пьяный. Все трое подошли, остановились, постояли и, не говоря ни слова, пошли назад. Пашка привстал.

– Не обращай внимания, – сказал Валерий, – просто напились, со всеми бывает. Ты их знаешь?

Пашка не ответил.

Прошло еще минут пять. Теперь шел только один – тот, в белых штанах. Он обошел вокруг костра и снова ничего не

сказал. Он только пилился на девочек.

– Ну? – сказала Юлька, – че надо?

Остальные промолчали.

Пашка привстал снова.

– Не обращай внимания, – сказал Валерий, – пусть уходит.

Мальчик в белых штанах ушел.

Гена начал говорить что-то насчет хамства, и заметно было, что он любит поговорить.

Пашка встал и направился в сторону чужого костра. Он был почти трезв и, похоже, шел с самыми вежливыми намерениями.

Впрочем, кто его знает, он всегда заводился неожиданно.

Он быстро вернулся, и его лицо было злым.

– Ну все, – точно заметила Юлька, – пора уходить.

Она поднялась и начала натягивать полосатую юбку. Под юбку надела брючки; они ей совсем не шли – цветом и формой напоминали двух дождевых червей.

Мальчик в белых штанах пришел в третий раз. Опять ни слова не говоря, он стал у костра (а костер уже из прозрачного стал плотным оранжевым светом – скоро ночь), расстегнул пуговицу и стал мочиться в огонь. Девушки его ничуть не смущали. Закончив процедуру, он заявил:

– Я тут главный. Я тут живу.

Его язык заплетался.

Пока все приходили в себя, подошел еще один, постарше и повыше ростом. Похоже, он был еще не пьян. Его глаза

смотрели внимательно, с тем выражением, с которым смотрят на знакомых.

– Ребята, вы его извините, – сказал он. – Но у него сегодня день рождения. Восемнадцать лет. Я его сейчас заберу, вы не обижайтесь. Человеку осенью в армию.

Последнее лето на свободе.

Пашка пробормотал вроде «защита и оборона» и получил еще один внимательный взгляд, лично для себя.

Белоштанного потянули за руку, но он вырвался.

Пашка снова встал.

– А я тебя, – кричал именинник, – а тебя я порежу, вот тебя, с усами! – он вытащил из кармана нож.

Нож был обычный, перочинный, совсем маленький. Лезвие входило в металлическую ручку. Таким даже карандаш нормально не заточишь. Именинник довольно долго вынимал лезвие, потом зажал нож в кулаке и стал размахивать им направо-налево, широкой дугой. Было видно, что он едва держится на ногах (как гнилой царизм, по выражению классика – толкни и завалится).

Он кричал что-то неразборчиво, об усах. Пашка стал отходить к краю песчаного склона. Здорово испугался. Даже его голос стал другим – писклявым и плачущим.

– Смотрите, – Пашка обращался ко всем сразу, – у него нож, правда нож! Сейчас же будет плохо! Вы что, не понимаете?

Чужой парень взял именинника за плечо и придавил.

– Юра, пошли!

– Не-а.

– Значит, нет? – он размахнулся и сочно ухнул Юру пониже ребер. Заметно, что бьет мастерски. Точно, расслабленно, без видимого усилия и даже не глядя.

Юра обмяк.

Парень снова извинился, подобрал нож и потащил именинника за собой. Пашка стоял все в той же позе – чуть присев и наклонившись вперед, раздвинув руки. Он не переставал говорить одно и то же:

– Но у него же был нож, правда нож! Это бы плохо кончилось!

Он стоял на самом краю откоса. Теперь стало понятно зачем он там стоял – чтобы спрыгнуть вниз и убежать. Надо же, как его напугали.

Юлька залазила в вишневый Москвич. Остальные девочки пошли за ней.

– Ну ладно, сказал Гена, – пора ехать, что ли?

Пашка прошелся вокруг костра и сел на новое место.

– Вы поезжайте, вам тут нечего делать. А я вас догоню, – он уже начал приходить в себя.

– Ладно, – сказал Валерий, – вы, и правда, уезжайте, уже поздно, вам тут нечего делать. Мы с Пашей чуть-чуть задержимся. Он сказал и удивился своим словам, они звучали как чужие. Назревала большая глупость, пока еще неопределенная.

У чужого костра теперь осталось только двое: именинник и с ним еще кто-то. Тот, который именинника ударил, уже уехал. С ним, конечно, связываться не надо. А так получалось два на два. Они пьяные. Пашку так просто не возьмешь, хотя сейчас он почему-то не в себе. Явный перевес сил. Глушь окрепла и приобрела очертания.

Вишневый Москвич уехал. Юра-именинник что-то прокричал ему вслед и замахал рукой. Пашка начал собираться. Собирал вещи и складывал их в машину. Это было непонятно.

– Ты уезжаешь? – спросил Валерий.

– Собираюсь.

– Тогда зачем было оставаться?

– Сейчас узнаешь.

Сели в машину. В лесу было уже совсем темно. В темноте белые штаны именинника почему-то казались голубыми. Темнело быстро, воздух наполнялся какой-то муťou, дым погасшего костра стоял стоймя между деревьями, будто хоровод привидений. Замяукала ночная птичка.

– Включи фары, – сказал Валерий, – ничего не видно.

– Обойдется.

Те двое тоже собрались уходить. Они вышли на дорогу и пошли вниз, к деревне. Они шли очень медленно, держась друг за друга и сильно вихляли из стороны в сторону. Значит, второй тоже много выпил.

– Включи фары, – снова сказал Валерий, чувствуя, как на-

чинают вспыхивать в душе оранжевые ракеты. Нет, нужно сдержаться – кто-то ведь должен иметь голову на плечах.

– Я сказал, обойдется! – огрызнулся Пашка.

Если он такой, разговаривать бесполезно. Можно получить самому. А переубедить его так же легко, как заставить паровоз взлететь. Не дано паровозам летать, это у них от рождения.

Когда те двое немного отошли вниз, Пашка завел машину и медленно подъехал к дороге; въехал на асфальт двумя колесами и снова остановился. Белые штаны и майка мутно просвечивались сквозь темноту. Слышалось пение на тему народных частушек.

Слова не угадывались.

Глупость совершенно определилась и уже начинала воплощаться. Впереди километр, примерно, пустой лесной дороги, где два хулигана совершенно пьяны и идут не по обочине, видимость плохая, порядочные люди возвращаются домой на машине и вдруг им под колеса... Да так неожиданно...

Ничего нельзя было сделать... Совсем ведь пьяные...

Валерий не хотел участвовать в убийстве. Хотя тут ему везло. Он в чужой машине и не за рулем; остановить Пашку он не может, разве что закрыть амбразуру грудью; Пашка в состоянии аффекта. Это так называется. Пусть сам и отвечает, если такой идиот. Впрочем, Пашкину машину не найдут. В наше время убивают всех подряд и никого не находят. Ес-

ли бы находили, то убивали бы меньше.

Понятно было в чем дело. Пашка озверел из-за того, что его сегодня напугали до смерти. Он струсил, еще как струсил, и девочки это видели. Это все видели. Такого забыть нельзя.

Мужская честь поругана и значит...

– У него сегодня был день рождения, – попробовал Валерий его остановить.

Должно же найтись нужное слово, оно всегда есть. Это как заклинание, которое обязательно срабатывает. Но совершенно не представляю что сказать, – думал Валерий, – Пашка всегда был такой: гармоничная смесь дикости с трусостью, и спокойное добродушие, пока никто не заедается.

– Был, а больше не будет, – ответил Пашка, каким-то замогильным голосом. Он был абсолютно серьезен.

Не вышло. Надо попробовать еще раз. Только не злить.

– Восемнадцать лет, осенью в армию, не повезло человеку.

– Теперь повезло, в армию он уже не пойдет, – ответил Пашка и медленно двинул машину вниз, не зажигая фар.

Снова не вышло. И вдруг то самое слово – как луч проектора.

– А ты молодец, – сказал Валерий, – ты все правильно сделал.

– Что сделал?

– Правильно себя вел. Я бы на твоём месте испугался. А ты его остановил. Никто из нас бы не смог этого.

Пашка остановил машину:

– Что ты мелешь?

– Я бы на твоём месте убежал. Все испугались. Я бы прыгнул вниз и все. У него же был нож, правда нож. Тварь. Я хочу сам его убить. Дай я сяду за руль.

– Ты дурак! – ответил Пашка. – Взял идиота на свою голову!

Он включил дальний свет. Машина пронеслась мимо тех двоих на полной скорости, но задела, хотя они и шарахнулись в траву. Задела совсем чуть-чуть.

Через минуту лес закончился и стало совсем светло.

Пашка гнал машину по пустой дороге.

– Мы их все же толкнули?

– Может быть.

– Не спеши, – сказал Валерий, – смотри, какой вечер. Ты прав, Пашка, ты поступил благородно.

– Да, – ответил Пашка, – все правильно. У него же был сегодня день рождения. А восемнадцать лет бывает только раз в жизни. Как это у тебя получалось рыбу ловить?

– Я слышал, у тебя неприятности, – сказал Пашка, —

Мы же с тобой друзья, а я живу сам. Давай ко мне, хоть на недельку.

– Я подумаю, – ответил Валерий. – – Подумаю, а потом соглашусь.

Было утро. Без двадцати шесть. Пашка готовился к рыбалке.

Без двадцати шесть – это, конечно, поздновато, но вчера выпили и потому хотелось спать. Ничего, рыбы еще хватит.

Он раскупорил термос с перловкой и проверил одну на зуб. В самый раз. Интересно, где сейчас будет лучше клевать – на песчаной косе, у обрыва, там где в прошлом году свалилась в реку сосна (ловить можно прямо с нее, но устает сидеть на сучьях), или...

Кто-то трижды ударил в дверь. Бесцеремонно, сапогом. Пашка застегнул рубашку и пошел открывать. Я объясню им, как нужно стучать!

В дверь ударили еще раз, намного сильнее, и щеколда вылетела, оставшись болтаться только на одном гнупе шурупе.

Вошли: вчерашний мальчик в тех же белых штанах, но уже гораздо трезвее; его товарищ с внимательным взглядом и еще двое горилл в плащах защитного цвета. На лице мальчика был свежий порез. Одна из горилл казалась знакомой.

Пашка взял стул за ножку и ударил им о подоконник. Стул развалился, стекло треснуло. Одна из горилл вынула пистолет и теперь держала его в руке. Стекло было двойное, через окно не уйти. Через окно выпрыгивают только в фильмах. На

самом деле эти остро торчащие осколки вспорют тебя как поросенка. Оставалась ножка стула в руке, но против пистолета это слабая защита.

– Я сам, – сказал мальчик в белых штанах и достал нож. На этот раз нож был настоящий.

– Проходите, поговорим, – сказал Пашка, не выпуская ножку стула из руки.

– Уже говорили, – ответил именинник, – мы тебе говорили, а ты не понял. Я же сказал, что я тут главный, я тут живу.

– А я не против, живи...

– Если бы ты был против, я бы зарезал тебя еще вчера. А так я это сделаю сегодня. Я же обещал тебя зарезать, хочешь сказать что я не выполняю обещаний? Ну ты меня обижаешь! Так грубо со мной еще никто не говорил!

– Я тебе ничего не сделал!

– А это? – он показал на свою щеку. – Ты меня ударил, ты! Ты хотел меня убить! Меня!

И Пашка совершенно ясно понял, что пред ним законченный псих. Так сорвавшийся скалолаз понимает, что зря не страховался.

– Это не я, – сказал Пашка и его голос снова был тонким, – это все он, он хотел сесть за руль и вас сбить. Я ему помешал.

– Плохо помешал, – сказал именинник. – А его мы найдем.

Тем более, что он свидетель. Так? – он повернулся к своим.

Одна из горилл кивнула.

– Кстати, кто он и где он?

– Он работает учителем музыки, – начал выкладывать

Пашка.

– Музыки? Музыкантов я еще не мочил.

Он приближался и, по его манере держать нож было заметно, что он не раз им пользовался. Горилла снова спрятала пистолет.

– Это все он! Я ничего не мог сделать! Он работает в школе, не помню в какой! Он это специально! Он хотел вас убить, а потом залезть в дом!

– В Дом? – с удивлением произнес именинник. Слово «Дом» он произнес именно так, с большой буквы. Слово «Дом» означало не просто постройку, а нечто большее. – Он хотел залезть в Дом? Так он такой крутой, говоришь? Ну я проверю.

У домика стояли две черные машины и еще две точно такие же виднелись в отдалении, на полпути к трехэтажному богатому Дому. Те машины были конечно, лишними, но кто знает как дело повернется?

Почему мне всегда нельзя, а другим можно? – думал он; мысль прокручивалась в голове, как тяжелое колесо, каждый день, каждый день, вот уже которую тысячу оборотов, —

Почему другие воруют вагоны, убивают двоюродных дядюшек ради двухкомнатной, а ради трехкомнатной – родных, делают деньги не знаю откуда, из воздуха, и женщины стелятся за ними?

Почему мне всегда нельзя? Отдайте мне моего дядюшку! Хочу его убить. Безнадежно.

Все было так безнадежно, что он встал и открыл окно. Интересно, что чувствует скрипичная струна, когда ее натягивает колок? Вначале она просыпается, пробует свой дряблый голос, но голос становится звучней и выше, и вот уже сейчас, сейчас... Но колок продолжает вращаться и струна взвизгивает, утратив совершенство звука. Она просто лопнет, если продолжить натяжку. Что чувствует скрипичная струна, перед тем как лопнуть?

Он встал и открыл окно. Но легче не стало. Колок сделал еще по обороту и струна в груди вскрикнула от боли.

Стальная, но непрочная струна. Неужели у каждого есть такая?

В желтом небе всплывал зародыш облака. В классе стоял неравномерный гул, штормовой, с барашками. Кто-то хлоп-

нул дверь, выскочив в коридор. Кто-то завыл котом.

Кто-то кого-то ущипнул за нос и поведал об этом соседу.

А в ветвях пела птица, повторяя все тот же такт – три четвертых – и он представил себе все мелодии, для которых эти звуки могли бы стать божественным аккомпанементом.

Злобный шестой Д писал контрольную. Никто особенно не старался. Музыка – ненужный предмет, так сказала бодренькая мама, пришедшая на второй перемене поругаться с ним за тройку. Мама назвала имя и он притворился, что помнит о ком идет речь. Сейчас это имя наклонило глаза и раздумывает всеми своими буквами как бы изобрести очередную гадость да похлеще. Обязательно изобретет.

Кто-то завопил крещендо, как влетающий в ухо комар. Лишь бы не начали что-нибудь ломать. Но, в общем-то, ему наплевать, пусть ломают.

За облачком показались еще четыре. Простор был мутным и светящимся, как огромная пыльная комната. Небо напоминало большую перевернутую супницу. Кто-то бил железо об асфальт. Еще четыре урока и двадцать пять минут после. Три перемены по десять. И того час с четвертью. Нет, три с четвертью. За это время обязательно натянет дождь. Будь проклято то божество, что управляется с дождями. Какой бы мы с тобою были парой, мой милый, если б не было дождя...

Учитель музыки Валерий отступил от окна, поймал взглядом бумажный самолетик, несколько наглых улыбок, угрю-

мого Бетховена у потолка и сел за стол. Сегодня, сразу после работы, Людочка-чка назначила ему свидание и наверняка на свидание не придет. Наверняка не придет, даже если погода будет хорошая, но если соберется дождь...

Когда-нибудь я ей припомню это. Припомню, как заставляла ждать. Все женщины делают так, а потом удивляются, когда им припоминают. А дождь соберется, обязательно соберется, именно сегодня; немножко подождет, чтобы помучить, и соберется... А как плачет струна в груди! Нельзя же так натягивать струны! Валерий страдал.

– Лерик! – позвала наглая Бобрыкина из-за второй парты и класс бухнул смехом.

– А че я такого сказала? – удивилась Бобрыкина, – Лерик, иди ко мне... Я тебя поцелую... Это я не вам, Валерий Михайлович, вас я не поцелую и за миллион.

– Я тебя и за два не поцелую, змея, – ответил Валерий, сдерживая себя.

Класс совсем сошел с ума. Кто-то свистел, сзади стучали кулаками по партам, Бородавкин под шумок бил Бородулькина – на букву «Б» в этом классе все сумасшедшие.

Я вам отомщу, – подумал Валерий Михайлович без особой злобы, с томной покорностью судьбе, которую собираешься рано или поздно оттягать за волосы, – обязательно отомщу. Не знаю как, но обязательно. Будет и на моей улице праздник...

Открылась дверь и класс мгновенно замер – условный ре-

флекс старичка Павлова, академика с бородачкой. Вначале вдвинулся живот, потом усы. Класс умер.

– Здесь есть учитель или нет? – спросил директор с изысканным издевательством, которое достигается лишь десятилетиями тренировок. Он смотрел прямо на Валерия и спрашивал, есть ли в классе учитель. – Выйдите на минутку.

Валерий вышел. Пускай – чем хуже, тем лучше.

– Вы не учитель, – продолжил директор после профессионально оттянутой паузы, – завтра они вам голову отрежут. Не смотреть в пол как первоклассник!

– Не орать на меня! – ответил Валерий, проваливаясь.

– Что? – директор смутился и сразу остыл, как железо из печи, брошенное в воду. Голос был тих, как на приеме у начальства. – Ну, успокойтесь, успокойтесь... Что случилось?

– Это ваша вина, – ответил Валерий как можно холоднее, но еще больше натягиваясь внутри, – вы позволяете себе оскорблять учителя в присутствии детей. Если я не учитель, то вы вдвойне не директор.

– Зайдете после урока, – закруглил директор и удалился к плачущей у фонтанчика малявке. Увидев это, малявка заплакала громче, даже замахала бантиками.

Три часа пролетели как сон: кто-то вбегал, выбегал, плакал, кричал, возмущался и клялся; кто-то звал, призывал, воззывал и обзывал непотребно; два близнеца Гнездюковых обзывали друг друга «вонючими гнездами»; трижды требовали к директору и трижды директора не находилось, лишь

его бесплотная тень кружила над всеми и над каждым в отдельности; кружила, норовя каждого клюнуть в темечко, да побольнее; все было бессмысленно, бесполезно, безнадежно, безумно, безалаберно и бессовестно. За пятнадцать минут до конца последнего урока начал капать дождь.

Значит, она сегодня уже не придет. Даже если дождь кончится вот в эту секунду (если очень попросить Бога, например), то она все равно не придет, не выйдет из дома, взглянув на мокрое окно. По окну стреляли редкие капли – вот одна стрелка, вот еще одна. Господи, разве можно ждать так, как я жду?

Заглянула секретарша:

– Валерий Михайлович, вам телефонограмма.

– Что там?

– Только на ушко.

Валерий подвинул ушко.

– Просили передать, что вас убьют.

– Кто просил?

– Не знаю. Приятный мужской голос.

Прозвенел звонок и Валерий вышел на улицу, стараясь не спешить. Путь к свободе проходил мимо директорского кабинета.

Директорский голос что-то диктовал неровному стучанию печатной машинки. Машинка звучала почтительно.

Валерий выждал длинную фразу и проскочил.

Все, на сегодня закончилось.

Кто-то в спину обозвал его «Лериком», но он не обернулся.

Еще десять шагов до ограды; все, отрезало.

Людочка назначила свидание в парке, у старых качелей, которые школьники, во главе с Валерием, вешали каждую весну и каждую осень снимали. Еще неделя-две и липы зацветут. Запах липы звучит как музыка, особенно в такт шагам. Если бы это записать. Если бы это записать, а потом сыграть...

Когда-нибудь, когда будет время, если не иссякнут силы, если не умрет дух в ничтожной борьбе с ничтожествами, если выдержит, не лопнет, моя струна... Если...

А Людочка не пришла. Скамья влажна и пуста. На влажных скамейках нельзя сидеть... Но вон там же сидят. Почему мне всегда нельзя, а другим можно? Почему другие воруют вагоны, убивают двоюродных дядюшек ради двухкомнатной,

а ради трехкомнатной – родных, делают деньги не знаю откуда, из воздуха, и женщины стелятся за ними? Почему мне всегда нельзя? Отдайте мне моего дядюшку!

По парку шлялись старшеклассницы, из чужих, в основном белые, розовые и клетчатые, в синюю клетку, продавали редкие загорелые пьяницы с лицами цвета земляники, сверкало солнце, распластанное в подсыхающих лужах, метко охотилась ласточка, над самой землей, показывая чистую белую спинку. Жирные червяки переползали асфальт, из лужи в лужу, и Валерий специально наступал на них, чтобы не страдать одному в этом нелепом мире.

Он зашел в безмянную закусочную и купил два пирожка с повидлом. Незнакомое лицо пропустило его без очереди – лицо было благодарным родителем неизвестного ученика. Он запил пирожки кофе и, сидя за мокрым, плохопротертым столом, вспоминал косточку на ее бедре (где он держал руку целый час, в прошлое свидание) ее серый взгляд, всегда направленный чуть в сторону (я стесняюсь смотреть в глаза), запах ее волос и музыку ее смущенного, спрятанного смеха, вдвигаемого в себя как телескоп.

На сытый желудок время побежало быстрее; первые полчаса еще медлили, откалываясь некрупными ломтями по пять минут

(Валерий смотрел на часы), следующий час растворился в жарком воздухе, надвинулись тучки и, пригрозив, ушли. Валерий направился к свежестроенному кварталу Ново-

бродной.

В доме номер двенадцать, квартире сорок один обитала туповатая вреднюшка девяти лет, которой Валерий давал частные уроки фортепиано. Ребенка звали Наташкой, она была груба, толста и нечистоплотна (вся в папу с мамой), но не без способностей. Наташка всегда ленилась и затягивала урок, болтая на посторонние темы, неиссякаемо находя все новые; на замечания Валерия о том, что пора бы поработать, она и ухом не вела. Минут через двадцать после начала урока заходила мама – увеличенная и расширенная копия дочери – и удивлялась, что не слышит звуков инструмента. Это был самый драматический момент урока. Наташка бросалась к клавишам (крышку Валерий открывал заблаговременно), мать называла дочь полнокровными словами из лексикона старых ожирелых полковников военных кафедр, давала оплеуху, от которой Валерий краснел по-девичьи. Дочь начинала стараться, но выдыхалась минут через двадцать. После этого порывалась показывать Валерию свою коллекцию кукол. Коллекция увеличивалась каждую неделю. В конце урока входила мать в кружевном бюстгальтере, жирно блестя потным животом, и отдавала деньги, несколько раз их пересчитывала. Все это можно было вынести лишь рассчитывая на близкую свободу. До лета оставалось всего две недели, а значит, всего два урока.

Потом – прощай лишний заработок, на который не нужно было соглашаться с самого начала. Правильно говорил

Скрудж Макдак: деньги нужно зарабатывать головой, а не руками.

Что-то в этом роде он точно говорил.

Пятнадцать минут урока уже прошло. Наташка разговаривала о том, какая у них сейчас тупая учительница по музыке и Валерий, слушая в-полуха, думал, что то же самое сейчас говорят о нем десяток таких же точно Наташек, о том, что все это, в конце концов, не так уж и важно, когда-нибудь жизнь изменится, когда-нибудь Людочка-чка все же согласится...

И вдруг зазвенел телефон.

– Это вас, – удивилась Наташка. – Вы кому-то дали наш номер?

– Никому.

Он взял трубку.

– Привет, музыкант, – произнес голос. – Тебе уже передали, что я тебя убью? Так вот. Я тебя убью не сразу.

Я хочу, чтобы ты испугался. Ты будешь видеть меня везде.

Ты будешь шараться от меня то здесь, то там. Ты будешь бежать от меня, падать, изо рта кровь, легкие в клочки.

Будешь бежать и будешь знать, что не убежишь. Это будет весело. И закончится не так быстро, как тебе хотелось бы.

Валерий бросил трубку. Наверняка розыгрыш, устроенный кем-то из обиженных учеников. Но придумано мрачно.

– Ладно, будем играть, – сказала Наташка, предчувствуя шаги за дверью.

– Нет, не будем, – ответил Валерий, – мне нужно идти.
За шторами догорал день и обещал еще долго догорать.

Сейчас парк был полон гуляющих пар, там девушки, вкусные как леденцы, держались за локти бритоголовых остолопов с бычьими глазками, другие вешались на шею с теми же детскими ужимками, с которыми вешались на шею папочкам и мамочкам лет десять назад, третьи гуляли с колясками, оставив ненаглядных заниматься полезной работой. Сейчас в парке так хорошо, что она просто не может не пойти туда. В конце концов, мы же договорились встретиться!

– Нет, мы будем учиться! – сказала Наташка, – я хочу учиться, мы вам деньги платим.

– Еще не заплатили, – ответил Валерий и поднялся.

Наташка разревелась и грюкнула крышкой инструмента. В коридорчике Валерий встретил мамашу, уже с деньгами в руке, извинился, соврав, что перезвонит, и сбежал. Сбежал второй раз за сегодняшний день.

Акации под дождем. Дождь все-таки пошел еще раз.

Прогремело в разных сторонах неба и вот мальчик прикрыл голову ладонью и асфальт стал менять цвет. На двери написано мелом: «Кто ищет, тот найдет» – интересно, к чему бы это. Зная Рыжулька бросилась под ноги – видит убегающего, убегающего так и хочется укусить. Хочется двинуть ее побольнее, но ведь увернется. Так сочно впечатать ногу в линиялое пузо, чтоб перевернулась и хряснула... А небо уже все в клочьях. Хорошо, что дождь кончается быстро. Нуж-

но обязательно встретиться с ней сегодня. Она обязательно придет. Я это точно знаю. Я наливаюсь этим знанием – так вином наполняется рюмка, так лампочка наполняется светом, так жизнь наполняется смыслом, а тишина – мелодией. Нелогично, неверно, но я настолько уверен, что она будет там (даже сквозь дождь), что настроение не изменится, даже если ее там не будет. Как глупеют от чувств, со мной это впервые. Я увижу ее, от этой мысли тепло. В жизни всегда не хватает тепла. Акации наконец-то расцвели. Он шел и говорил сам с собой.

Акации в этом году цвели фиолетовым цветом, второй раз за всю его жизнь. В первый раз ему было только три года, он сидел на полу посреди комнаты рядом с тазом, таз был желтый, эмалированный, в нем плавали несколько свечей акаций. Цветы были красновато-фиолетовыми; молодая мать мыла окна и отважно наклонялась наружу, чтобы сорвать ему еще один цветок. Это единственное воспоминание, в котором мать молода. С тех пор Валерий каждый год смотрел на цветы акации и ждал, но каждый год цветы были белыми, он ждал, будто это может вернуть ему нечто – молодость матери, прозрачную яркость детства, уверенность, что ни от кого не нужно убегать. Но вот акация зацвела и ничего не вернулось. Ничто никогда не возвращается.

Может быть, она права, когда назначает свидания и не приходит.

Валерий был женат. Женат два года и имел ребенка, похожего на папу. Папой был неизвестный мужчина, живший где-то в пригороде и живший богато. Жена Ася ездила к нему частенько и оставалась с ним неделями (ребенок должен видеть отца!), а Валерий отмалчивался в чужой квартире с чужими кусучими родственниками, которых до жути хотелось искусать самому, да зуб неймет, хоть око видит; у чужих родственников были совсем чужие глаза, от этого хотелось кри-

чать, плакать, рваться. Он так и делал: кричал, плакал, рвался, но про себя. Вслух он был холоден и вежлив и чуть-чуть нагл. Зачем нужен Людочке женатый мужчина?

Он вошел в парк; парк был почти пуст и почти прозрачен.

Оставалось пройти несколько боковых тропинок, где могла быть она. Где не могло быть ее, но все равно. Валерий прошел и никого не увидел. На дорожке стоял незнакомый молодой мужчина. Валерий постоял и пошел обратно. Колок повернулся еще раз. Струна в груди лопнула с негромким звоном. Лопнула и умерла. Оставалось сбежать окончательно, насовсем, навеки, навсегда. Насовсем, навеки, навсегда – в этом есть своя музыка... О чем я только думаю?

– Эй! – окликнул его мужчина.

– Да, – отозвался Валерий.

– Чего ходишь туда и обратно? Иди сюда.

Валерий подошел.

– Щас попишу.

– Вам ручку дать? – искренне не понял Валерий.

Мужчина расслабился. Он был на полголовы выше и чуть шире в плечах. Может быть, и не намного сильнее, но это выражение глаз...

– Зачем здесь ходишь?

– Жду девушку.

– Тогда будем ждать ее вместе.

Валерий продолжал стоять. Было неловко, от того, что он стоит молча.

– Ладно, давай для начала деньги, – согласился мужчина, – давай быстро, а то напишу.

Валерий молча отдал. Мужчина посмотрел и вернул обратно:

– Мелочь не нужна. Давай все.

– Больше нет.

– А если найду?

– Ищи.

– С такими деньгами к бабам не ходят.

– Ну... – ответил Валерий неопределенно.

– Потому она и не пришла.

– Это вы мне сегодня звонили? – предположил Валерий.

– Не я. А что сказали?

– Сказали, что убьют.

– Значит, убьют, – согласился мужчина, – особенно, если есть за что.

Они вместе пошли к выходу из парка, шли медленно и всю дорогу незнакомец объяснял Валерию что нужно делать с бабами, чтобы они приходили. По его словам это было не так сложно. Они расстались у станции метро почти друзьями.

Незнакомец вынул деньги, нашел двадцатку и подарил Валерию.

– Спасибо, – сказал Валерий, – но мне деньги сейчас не нужны.

Приближалась ночь. В кустах раздирался нелепо громкий воробей, призывая воробьюху; тишина становилась прозрачной, пропускающей сквозь свои слои дальнейшее шуршание автомобильных шин по лужам, детские голоса, гудок поезда, неуловимо знакомую мелодию, искаженную расстоянием до совершенства.

Он отпер дверь своим ключом. Дома никого не было. А если кто и был, это не меняло. Ничего не меняло. Он не разговаривал с родственниками жены, если не было к тому сверхъестественной потребности. Те чужие люди никогда бы не помогли ему и никогда бы не сказали доброго слова.

Валерий побродил по комнате, сел за инструмент и набросал несколько тактов, проверяя и подправляя их пальцами. Он записывал утреннюю песню птицы (три четвертых) – не мелодия, но божественный аккомпанемент. Закончив, он направился к стенному шкафу. В шкафу стояли четырнадцать бутылок водки – этого хватит, чтоб убить слона. Тем более хватит, чтобы убить мелкого учителя музыки.

Бутылки не были его собственностью. Дело в том, что приближался выпускной вечер, а перед ним карнавалились выпускные экзамены – нас возвышающий обман. За бутылку водки экзамен сдавался на бал или на два лучше. Без бутылки – хуже. Из ста восемнадцати учеников сто семнадцать

принесли бутылки и другие мелочи. Сто восемнадцатой была фанатка Роза Бах (имела пять по музыке только из-за фамилии), фанатка собиралась сдавать без бутылки. Интереснее всего то, что она сдаст. Бутылки раздали учителям, из малопьющих, чтобы они сохранили трофей, который был бы неминуемо найден комиссиями, неумолимо шныряющими по школам... Господи, как далеко теперь все это... Жизнь... Что такое жизнь? Она всегда висит на волоске – на волоске воли к жизни. А вот теперь этот волосок порван. О чем я думаю?

О чем я только думаю? – подумал Валерий. – Я думаю о том, о чем я сейчас думаю. Но ведь это же неправда, я думаю совсем о другом. Я думаю не о том, о чем должен думать. Надо написать последнюю записку. Все самоубийцы делают так. Без последней записки даже невежливо как-то. Сказать, что я никого не виню. А кого мне винить? – сам виноват, вот, убегаю как трус. Почему как? – просто трус. Надо написать завещание.

Денег – одна двадцатка, но все равно деньги. Трудно сразу представить – это много или мало. Я бы ел на эти деньги целый месяц, и хорошо ел. Хороший я придумал способ покончить с собой – получше, чем в романах. Главное, безотказный, пути назад нет. Я говорю сам с собой? Да, я говорю сам с собой – как маленький ребенок, играющий в песке. Я маленький ребенок, поиграл и пора спать. Вечным сном. Сколько нужно выпить, чтобы умереть? Четырнадцати буты-

лок мне хватит, это точно.

Он выбрал этот способ самоубийства, чтобы не передумать.

Водка была чужой. Выпивая ее, он совершал преступление.

Преступление искупалось смертью. Он надеялся, что двух-трех бутылок, выпитых сразу, хватит, чтобы умереть. Ведь его организм никогда не был сильным.

Валерий вернулся к инструменту и дописал еще два такта. Потом вынул все бутылки из шкафчика и расставил их в ряд.

Мысль о самоубийстве посещала его время от времени с самого детства. Говорят, есть люди, склонные к этому. Если это правда, то Валерий был именно из их числа. Одни пьют, другие колются, третьи всю жизнь стоят на грани между тем миром и этим – и некий демон оттуда постоянно зовет их тихим шепотом. Когда привыкаешь, это придает жизни особенную возвышенность – так, как будто подошел к краю очень высокой крыши, смотришь вниз, а там ползают автомобильчики, играют детишки и все тому подобное, но никто не видит, что на самом деле внизу между домами течет величественная река небытия.

Раньше он боролся с этим опасным демоном внутри себя. Потом привык и сжился. Демон заманивал разными словами.

Предпоследней его находкой была фраза «почему бы и нет?».

А сегодня он прошептал: «ты больше не можешь» И Валерий согласился: «да, я больше не могу». Он больше не мог терпеть издевательства родственников, учеников, начальства и той женщины, которую любил и ненавидел одновременно. Да пропади оно все пропадом.

Бутылки в ряд, немного полукругом, чтоб лучше поместиться на столе. Вот так их, стихами. Не на столе, а на сто-

лике.

Невозможно жить с такой мебелью. Зато умирать можно. Из стакана – вульгарно: умер, не допив последнего стакана. Из рюмки неудобно: умер после девятнадцатой рюмки.

Он принес чашку. С золотой каемкой, мутным дном и цветком на стенке, ботанике неизвестным. Ручка только для крохотных женских пальчиков.

Снял рубашку и бросил на кровать. Только сегодня утром воротник был чистым. Говорят, что некоторые переодеваются во все чистое перед смертью. Обойдутся, другие тебя переоденут, пусть постараются. На подушке книга о двенадцати главах, как Змей Горыныч, причем три головы уже отрублены прочтением.

Качается лампа под потолком, чувствуя потусторонние шаги или местный сквозняк. Скрипят тапочки. Вечер свеж. Пора.

Откупорил первую бутылку и налил чашку до краев, чуть пролив на скатерть. Сразу запахло. Одна есть. Теперь вторую.

После третьей он слегка передохнул. Потом опрокинул остаток от деления на три и откупорил следующую бутылку.

Жутко хотелось заснуть и поддаться жизни. Не поддамся. Он запел песню птички, чтобы не заснуть. На третьем повторении песни соседи застучали в потолок. Валерий с усилием допил еще чашку и бросил что-то в стучащих соседей. Зеркало расколосось и выронило большой кусок. Большой ку-

сок обижено отразил половину лица. Дальше было еще что-то, а утром позвонили.

– Валерий Михайлович? – голос секретарши. – Нужно предупредить, если не приходите на работу. Передаю трубку.

– Я пьян, – ответил Валерий и сбросил телефон с тумбочки.

Потом продолжил процедуру.

Однажды ночью он проснулся. Наверное, это была четвертая ночь. Из четырнадцати бутылок оставались две полные и в двух на донышке. Еще немного было налито в блюде. Было очень темно и тихо, но каким-то образом обстановка комнаты оставалась видимой. Фонарный свет пробирался сквозь липу и неуверенно касался стен. Под одеялом что-то шевелилось.

Валерий встал и включил ночник – розовую прозрачную бабочку из фальшивого стекла. Куда делись все эти? (под «эти» понимались родственники жены и она сама в некоторых случаях) Из-под одеяла выскочил большой муравей и проворно побежал к Валерию. Шестиножка с длинными усами взобралась по штанине, влезла за воротник и забегала под одеждой. Валерий сорвал рубашку (почему она надета, если я ее снимал?) и бросил ее в угол. Осколок зеркала отражал семенящие ноги.

Муравей выбрался из рубашки и пошел на второй заход. Валерий запрыгнул на кровать.

У муравья было почти человеческое лицо с большими печальными глазами. Сам он был черного, лакированного цвета, с синеватым отблеском и тремя полосочками на брюшке. На передних лапах пальцы с ногтиками.

– Уйди! – закричал Валерий, – уйди, а то убью!

Он бросил подушкой, но муравей увернулся. Вообще, тварь двигалась слишком быстро. Из углов выбежали еще полчища таких же и стали грызть ножки кровати. Они сгрызали краску, но металл им не поддавался.

– Так вам! – закричал Валерий, – я вам не дамся!

Муравьи стали подпрыгивать на месте как мячики. Каждый был чуть меньше ладони. Несколько экземпляров запрыгнули на кровать и взобрались Валерию на живот, стали кусать, но не больно. Он схватил одного и оторвал. Эта гадость отрывалась с трудом, как застёжка на липучке. Оторвалось только тело, а голова продолжала кусать, не обращая внимания на отсутствие желудка. Тело без головы резво бежало по полу и сталкивалось с другими муравьями, сослепу.

Валерий выбежал в дверь, наступив по дороге на одного из муравьев; тварь нежно хрустнула и заскреблась по полу ручонками. Он споткнулся о порожек и упал, больно стукнувшись лицом. Упал у двери ванной. Там он и нашел себя, утром.

Звонил телефон, громче чем обычно, и явно наглее. Телефон стоял на полу. Раздавленный муравей лежал посреди комнаты, а рядом сидели еще два и шевелили усиками,

оплакивая погибшего соратника. Множество других висели гроздьями на шторах.

– Сколько вас здесь! – сказал Валерий и подержался за стенку, переступая порожек. Телефон не умолкал. Стучали зубы.

– Алло?

На этот раз говорил САМ:

Ваши дети, ваши дети, поизрезали все стулья, я бы вычел из зарплаты, если б дали нам ее, вы ведете неприлично, и примером недостойным, заразительным ужасно, возмутили коллектив.

Коллектив права имеет, демократия сегодня собирается собрание, чтоб таких как вы, прогнать.

– Я пьян, – ответил Валерий, – оставьте меня в покое. Меня и так муравьи закусали, только ваших собраний не хватает. И нечего стихами говорить, сволочь!

Директор перешел на прозу и сообщил, что за ним (за Валерием) дважды приезжал Мерседес, из Мерседеса выходили четыре очень вежливых, но очень странных человека в черных куртках.

– Как они выглядели? – спросил Валерий, протирая глаза.

– Как мафиози в кино.

– Тогда точно за мной.

Он изо всех сил ударил левым кулаком в стену и содрал кожу на косточках. На косточках выступили прозрачные красные росинки, но боли не было.

Директор отнесся с пониманием.

– Это бывает, – сказал он, – отлежитесь, а потом приходите, когда примете нормальный вид. Пьян так пьян, с каждым случается. Так надо было сразу и говорить.

Валерий оторвал сонного муравья от шторы, сел на кровать и положил его рядом с собой. Муравей ежился, испуганно. Валерий погладил его ладонью:

– Не бойся, ты хороший, я тебя не трону.

Муравей поднял вполне человеческое личико (на самом деле это был не муравей, а Бородулькин, которого всегда били) и прослезился. Слезы капали и оставляли желтые пятнышки на простыне.

– Ну скажи же мне что-нибудь, – пробормотал Валерий, – я тебя люблю, маленький.

Муравей заплакал еще горше и сквозь слезы ответил:

– Ася умерла, жена твоя.

– Туда ей и дорога.

– Упала с лестницы. Два дня мучилась, а перевезти ее нельзя было. Так и умерла. Тебе звонили, звонили, а ты трубки не брал. Эх ты!

– Да я и не любил ее никогда, – ответил Валерий, – хотя жаль, конечно. Наверное, мне жаль.

– Знаю, – ответил муравей, уселся поудобнее, оторвал себе две промежуточных лапки и превратился в грустного чертика, – знаю, она тебя тоже не любила. Выпьем, что ли?

– Выпьем, – ответил Валерий. – За упокой души моей же-

ны...

Но что-то мне совсем плохо...Почему выключили свет?..
Дай мне кружку, вот так...

И они выпили.

Одни звуки были железными, точнее блестяще-стальными и легкими, другие фарфоровыми, третьи мягкими, как свет в сумерках. Говорили несколько голосов, слова были непонятны, но мелодичны. Не открывая глаз, Валерий стал сплетать мелодию из звуков, потом музыку из нескольких мелодий. Звуки голосов подыгрывали ему: становились то громче, то тише. Послышались рыдания – совсем новая музыкальная тема, гармонично вплетающаяся в общую ткань. Шелест полотна, приоткрывают окно, и вот снова рыдания. Валерий открыл глаза.

У постели сидел дядя жены, злобный и насупленный; его толстый нос казался еще больше. Над сгибом локтя торчала капельница, приподнимая надутое лекарством брюшко, как сытый огромный комар. Кто-то плакал с левой стороны, но не хотелось поворачивать голову.

– Я в больнице? – спросил Валерий.

– Да.

– Почему я не умер?

– Ты был мертв четыре минуты. Тебя уже не надеялись вытащить. Откуда ты узнал? – спросил дядя.

– О чем?

– О, об Асе, о ней! – дядя обхватил свою голову руками, несколько театрально.

– Мне сказали.

– Никто не думал, что у тебя такое чуткое сердце, – вмешалась асина мать с другой стороны, – врач сказал, что тебя спасли чудом. У тебя в комнате нашли четырнадцать пустых бутылок, четырнадцать! Откуда у тебя столько бутылок, ты же много не пил?

– Ученики подарили, – ответил Валерий.

– Ты не такой уж и черствый, продолжила асина мать, – мне приятно, что ты ее так любишь (она всплакнула и плач затянулся).

– Я вернулся, – сказал Валерий, – я вернулся с того света.

Я был мертв четыре минуты. Прости меня, но я мало думал об Асе, когда хотел умереть. Но я вернулся и хочу остаться. Ведь есть же ребенок. Есть наша общая память – мы так помним ее...

– Но теперь, ты понимаешь, нас ничто не связывает, – продолжила асина мать, видимо, не услышав его слов, – ведь ребенок же не твой...

– И что же теперь? – Валерий повернул голову к ней.

Распухшая мамаша была похожа на розового бульдога, раньше она была бульдогом бледным. И вот бульдог бледный, и ад следует за ним...

– Ну, мы позволим тебе пожить у нас еще немного и даже не потребуем возмещения за зеркало, которое ты разбил (зеркало принадлежало еще матери моего отца – подумала она – значит, редкая рухлядь, – подумал Валерий в ответ;

обменялись мыслями) мы позволим тебе пожить недельки две после выздоровления, а потом...

– Значит, вы меня выгоняете, – сказал Валерий, – да ведь ваша дочь мне даже не жена. Она ни разу не исполнила свой супружеский долг. Она, как б..., бегала к своему ... и выпрашивала у него подачки, а он платил!

– Как вы смеете говорить об этом сейчас! – вмешался папаша, обычно говоривший с Валерием на «вы», но наименее уважительно.

– Мне плохо, я буду спать, – сказал Валерий и закрыл глаза. Уйдите все от меня ради Бога, вы уже выполнили свой долг.

Голоса посовещались, повскрикивали, поплакали и ушли, оставив за собою два апельсина. А три было жалко оставить, – подумал Валерий.

Он пошевелился, открыл глаза – в палате никого не было, кроме двух бессознательных простынь с красными лицами вверх. Одно из лиц беспокойно вздыхало. Он вытащил капельницу из руки и поморщился от боли. Из-под простыни вылез чертенок с лицом печального Бородулькина, лег на спину и задрыгал ножками.

– Привет, – сказал Валерий.

– Привет, – ответил чертенок, – тебе ее совсем не жаль, да?

– Было жаль, пока не пришли эти.

Чертенок заплакал.

– Прекрати, надоело когда все плачут.

Чертенюк сменил лицо на бодрое. Он сделал это, сняв одну физиономию и надев другую. Теперь он был не Бородульки.

– А я разве не выздоровел? – спросил Валерий.

– Почти, – ответил чертенюк, – не бойся, я с тобой.

Он взбежал по спинке кровати и стал слизывать металлический блеск. Блеск тускнел.

– Значит, не выздоровел, – сказал Валерий, – хочу спать.

В палату вошла медсестра и не очень умело поставила капельницу на место. Валерий уснул.

На следующее утро, часов около девяти принесли завтрак: перловую кашу и уменьшенное подобие котлеты. Еще был мутный сок, от одного вида которого мутило. Валерия отстегнули от кровати (он был пристегнут тремя ремнями и не замечал этого до сих пор) и покормили с ложечки. Перловая каша была неожиданно вкусна – так, что даже захотелось есть. Капельницу сняли.

Около одиннадцати зашел молодой веселый врач и прочел легкую лекцию на нравственные темы.

– У меня умерла жена, – ответил Валерий, – я имею право. Не вам меня учить.

– Конечно-конечно, но зачем же умирать вместе с ней?

Перед обедом пришла делегация коллег и принесла разной еды, в основном сладкой. На обед Валерий не пошел. Они поговорили о том и о сем, ругнули директора все по очереди (в несколько кругов) и вместе доели оставшееся.

– Больше чертиков не видишь? – поинтересовалась Остапьева.

– Вижу, – сказал Валерий, – вон, на твоём рукаве сидит.

Все засмеялись и Остапьева смахнула чертика с рукава. Тот повалился по простыне, задирая ножки, и шмыгнул под кровать.

Ближе к вечеру вошла знакомая медсестра и с ней совсем

новая женщина в неправильно застегнутом халате.

– Смотри, – сказала медсестра, – это тебе не в школе учиться. Вот этот например, упился с горя, потерял жену, чертики мерещатся, два дня ходил под себя. Теперь ты убирай, а я посмотрю.

На лице новенькой было застывшее, но героическое выражение. С таким лицом только под танк прыгать.

– Меня зовут Тамара, – представилась она и отвернула простыню.

– Не надо! – сказал Валерий, – выйдите, я сам! Все выйдете вон!

– Щас быстро успокоим, – сказала медсестра, но сделала знак и обе женщины вышли.

– Ну как? – спросила медсестра и Тамара пожала плечами, презрительно. Она была уверена, что все бы получилось отлично.

Тамаре было девятнадцать. Невысокая, коренастая, голубые глаза. Длинные светлые волосы – наверное, длинные, потому что собраны в узел. Во взгляде готовность верить и идти. Она расстегнула халат и застегнула его правильно. Со всем еще девчонка. Мы с ней еще встретимся не раз.

Два года подряд она поступала в медицинский, несмотря на астрономические взятки, которые давали другие и которые она сама дать не могла. Кроме денежной взятки требовалась взятка специфически женская. Тут дело уперлось в принцип и два года пропали зря. Когда дело упиралось в

принцип, Тамара слегка тупела, но никогда не сдавалась и, прогорев окончательно, чувствовала мрачное удовлетворение с нездоровым оттенком. Так в детстве она в кровь билась со старшими, если чувствовала себя правой.

От коридора ответвлялась комнатка с телевизором, умерщвленным до девяти ноль-ноль вечера. Стояли застенчивые растения в углах. Другие растения вились по стенам как по своей собственности. И те, и другие были пыльными.

– Ладно, – сказала медсестра, – пока убирай здесь, – здесь тоже грязи полно. Швабру и веник возьмешь у меня. Чтоб вернула! (как будто кто-то позарится) А то знаю я таких.

Валерий привел себя в порядок, умылся как мог.

Сбрил кущую бороду и вышел отдохнуть. Он сел в кресле, а чертика посадил себе на колено. Кресло было твердым и протертым, вот-вот пружины вылезут. На душе было гнусно, что естественно после неудачного побега. Хорошо еще, что не совсем опозорился.

– Хорошо, что не опозорился, – сказал чертик.

– А ты не повторяй мои мысли!

Тамара обернулась на голос и увидела человека, который разговаривал с собственными руками.

Чертик перелез на ладонь и предложил:

– Давай что-нибудь устроим.

– Что?

– Разобьем телевизор.

– Нет, не хочу, – отказался Валерий.

– А что хочешь?

Валерий подумал и вспомнил последний разговор по телефону с директором.

– Хочу, чтобы директор говорил только стихами.

– Это запросто, – согласился чертик, – а сейчас?

– Сейчас оставь меня в покое.

– Давай подкатим к Тамаре?

– Не хочу.

– Не нравится?

– Нравится. Но я не могу с женщинами.

– Как это? – удивился чертик, – ты же целый год был женат!

– Ася меня не подпускала. Называла меня дохляком и неудачником. Сама ездила к своему удачнику на дачу. Сейчас мне ее совсем не жалко. Бог ее наказал за все.

– Сколько тебе лет? – спросил чертик.

– Двадцать шесть.

– Для мужчины в этом возрасте еще ничего не потеряно, даже если он еще мальчик, что очень смешно.

Чертик засмеялся, а Валерий сжал его в кулаке. Тамара обернулась на мгновение и увидела совсем сумасшедшего мужчину, сжимающего кулаки и злобно хмуящего брови. Господи, подумала она, что только с людьми не бывает!

Под вечер Валерий позвонил директору и извинился за свое поведение.

Директор ответил:

Приходите в среду утром и мы с вами все обсудим.

– Я очень раскаиваюсь, – сказал Валерий, ожидая более длинного ответа, – я согласен купить четырнадцать бутылок за свои деньги.

– Да, – сказал директор коротко и повесил трубку.

– Ну как? – поинтересовался чертик.

– Да пошел он к черту, пусть говорит как хочет. Кто он такой, чтобы я им интересовался? И вообще, он остался в прошлой жизни. Прошлой жизни, – повторил он.

Людочке было двадцать три. Она имела невероятную и роскошную профессию – артистка. Роскошная профессия почти не оплачивалась и приходилось жить в основном за счет подарков.

Дарили нечасто, но крупно. За полтора года она привыкла к такой жизни: к подаркам, к похвалам (по принципу: ку-кушка хвалит петуха), к работе над собой – всегда, всегда, до тошноты, до одури, до непристойных намеков и пальца у виска, иначе не выскочишь из сброда, – к неискренним восторгам и искренним проискам, к пристаиваниям, к утомительности будней и постоянной глухой боли в затылке, к эфемерной надежде на яркое будущее, отодвинутое в туманные дали, к злему влюбленному Лерику, над которым можно было издеваться всласть, если только знать меру. Есть на ком отвести душу.

Она лежала в перинах (в час пополудни, репетируя будущую роскошь, которая состояла именно в этом, а еще в машинах, флоридах и овациях) и вспоминала о Лерике.

О чем они говорили в последний раз? О чепухе какой-то: о том, как бежит время. Но почему-то вспомнилось и стало грустно; время все-таки уходит и уносит с собою все, кроме необъяснимости человеческих чувств. Что-то давно его нет. О чем он сейчас думает?

– Что? – очнулся Валерий.

– Я спрашиваю, о чем задумался? – спросил чертик.

– О ней.

– Зря ты с ней связался.

– Откуда ты знаешь, о ком я говорю?

– А я не знаю. Ты просто зря связался и с той, и с другой.

– Знаю, – Валерий простучал пальцами по скамейке тему

Турецкого Марша. – Но не могу о них не думать.

Был последний день перед выпиской. Впереди громадный разнос на работе, материальная ответственность, похороны жены, которая никогда не была женой, изгнание из квартиры и дальше полная муть неизвестности. И еще телефонные звонки.

А сегодня утром ему прислали конверт. В конверте лист бумаги, аккуратно сложенный вчетверо. На нем рисунок, сделанный вроде бы детской рукой: виселица. Прислали прямо в больницу. И никакой записки. Так что же делать?

Ограбить, что-ли, банк? А почему, собственно, не ограбить?

– Не получится, – сказал чертик. – Это в Америке банки большие и просторные, как концертные залы. Тыходишь с автоматом, заставляешь всех лечь и места вокруг столько, что можно в футбол играть. Тебе насыпают мешок денег и тыходишь, захватив парочку заложников. Ты в наших банках бывал?

– Нет пока.

– То-то же. Наши банки переделаны из канцелярий. А канцелярии строились так, чтобы легче было заблудиться. Тыходишь в узкий коридор, поворачиваешь направо и налево, там и здесь ступеньки, а потом тебя выгоняют, потому что пропуск выписан не по форме. В наши банки без пропуска не пускают.

Да и денег в наших банках нет – все разграбили заранее.

– А если все же попробовать?

– Не стоит, – ответил чертик, балуясь в песке, – все равно не выйдет. Если хочешь грабить, то выбери что-нибудь попроще.

Например, богатый дом – мало ли богатых домиков?

Валерий вспомнил дом, виденный недавно. Дом стоял на той улице, где живет Пашка и поражал даже не роскошью, а превышением любой возможной или необходимой роскоши. В таком могут быть дверные ручки из золота. Еще тогда мелькнула сегодняшняя мысль.

– Брось, этот Дом будет ограбить еще труднее, чем банк, – сказал чертик.

Слово «Дом» он выговаривал с большим уважением. Было понятно, что он имеет ввиду не просто здание, а именно Дом.

– Может быть, мы говорим о разных домах?

– Крайний Дом по улице Космонавтов. Рядом с домом Пашки.

– Ты мне советуешь?

– Очень верный способ самоубийства. Вернее, чем бутылки.

Тут уже осечки не будет – тебя прихлопнут, как муху. А то, что от тебя останется, сожгут в топке или утопят в болоте.

Уже не одного такого как ты сожгли и утопили.

Валерий сидел на скамье в компактном больничном парке.

Парк состоял из полутора аллей, жестко обрезанных решетками.

В одном конце аллеи – церквушка из крашенного дерева, совсем игрушечной величины; в другом – кто-то довольно правильно играет на гармошке добросоветную «Катюшу», пытается украсить мелодию музыкальными фокусами и на них застревает. Вот, перешел на попури из слез сорокалетней давности. По ступенькам спускается старик на костылях; медсестра придерживает его за талию; старик сердится и говорит, что он и сам еще ходить может. Чертик взобрался на скамейку и уселся, качая одной лапкой, поскребывая коготками.

– Я, как, так и не перестану тебя видеть? – спросил Валерий.

– Перестанешь, собственно сегодня мы видимся в последний раз. Жалко мне тебя. – Он начал жевать травинку.

– Мне самому себя жалко, – ответил Валерий.

– Не везет тебе в жизни.

– Знаю.

– Знать – пользы мало. Делать что-то нужно, – посоветовал чертик.

– Что же я могу сделать?

– А что бы ты мог сделать ради?..

– Ради чего?

– Ради всего. Смог бы например убить или предать или ограбить? Или взойти на Эверест, или доказать великую теорему Ферма, или стать первым человеком, кто ступит на поверхность Марса?

– Я бы постарался. Ограбить я бы смог, взойти на Эверест – тоже. Я бы не смог только предать, наверное.

– А убить? Ради того, чтобы изменить жизнь, раз и навсегда?

– Не знаю. Ты хочешь предложить мне сделку? Кого я должен убить?

Чертик посмотрел скептически. Мол, тоже мне, Фауст зашутенный. Видали мы таких.

– Почему я с тобой разговариваю? – спросил Валерий, – тебя ведь нет. И помочь ты мне не хочешь. А если хочешь помочь, то подари мне удачу. Я знаю что такое удача, у меня бывают удачные дни. Когда мне везет, я сразу попадаю ногами в тапочки, я разбиваю яйцо так, что оно не разливается, я стреляю наугад и попадаю в яблочко, я не злюсь на друзей и не злюсь от того, что кто-то лучше меня, мне девушки улыбаются на улицах, я не втягиваю язык на собраниях, я выигрываю в лотерею, в конце концов. Пусть мне везет всегда, особенно с женщинами. Пусть ни одна женщина не сможет устоять передо мной. Что, не можешь? Пусть мне везет!

Валерий сосредоточился и чертик стал прозрачен. Еще усилие. Чертик исчез, осталась только его парящая над скамейкой голова.

— Вот еще что, — добавила голова, — забыл тебе сказать...

Но Валерий напрягся и голова превратилась в колечко дыма, наподобие сигаретного, и исчезла.

Он встал и направился к ступенькам. Шумели деревья, наклоняя верхушки, быстро проплывали рельефные облака (рельефом книзу), на дорожке лежала бумажка в пятьсот тысяч современных микроскопических денег. Кто-то выронил только что. Или старичок на костылях, или медсестра; больше некому. Валерий поднял бумажку и взошел на ступеньки.

Только бы хозяин не обернулся. Не обернулся.

Приятно.

12

Перед самой выпиской он говорил с врачом. Врач был серьезен и его серьезность заражала.

– Мы вас выписываем, – сказал врач. – Но это не значит, что с вами все в порядке. Надеюсь, вы понимаете.

– Подозреваю, – сказал Валерий.

– Клиническая смерть сказалась на вашем мозге и не только на мозге.

– Я стану идиотом?

– Это не обязательно. Но может случиться все, что угодно.

Вы хорошо чувствуете себя сейчас, сегодня, завтра, а послезавтра нервная система начинает разрушаться. Это может выражаться в обмороках, судорогах, потере памяти, может быть все что угодно.

– Это меня ждет?

– Не обязательно. Организм может компенсировать потерю нервных клеток. Если процесс остановится и не будет прогрессировать, то хуже чем сейчас вам уже не будет. Но это может случиться в любой момент.

– И никто не поможет?

– Здесь медицина бессильна. Вы были мертвы. Пусть только четыре минуты. Но эти четыре минуты смерти вы теперь носите в себе, как бомбу с часовым механизмом.

– Ношу вот здесь? – Валерий постучал себя пальцем по

лбу.

– Не только здесь. Теперь это растворено в каждом вашем слове, в каждом жесте и каждом поступке. Вы скоро увидите сами. Вы будете удивляться своим поступкам. Другие, подобные вам, иногда творили такое, что ни в каком романе не опишешь.

Просто кошмар на улице Вязов. Или даже похлеще.

– Почему?

– Смещается логика, меняется характер. Туда уходит один человек, а оттуда возвращается совсем другой, только внешне похожий. Так бывает всегда.

– А кто же возвращается?

– Вы математику знаете? Возвращается тот же, но умноженный на мнимую единицу. Его логика уже не совпадает с нашей. Ваша не совпадает с моей.

Три часа дня. Первый день на работе. Очередное торжественное собрание по поводу очередного торжественно сданного экзамена. Правда, в этот раз в уголке сзади сидит такой скромняга – представитель чего-то там очень представительного. Сидит и записывает. Поэтому успехи преподносятся бодрее, негодяи бичуются строже, недостатки освещаются всестороннее и к каждому преподносится рецепт будущей победной борьбы.

– Сорок два выпускника сдали экзамен гораздо лучше, чем ожидалось, – директор распушил усы и выпятил живот, – значит есть еще неиспользованные резервы. Но с другой стороны, если мы смогли проглядеть...

Голос стал таять, тихнуть, рассыпаться по словам: достойно – следует-неужели-нам придется-

Стекло напротив парты, где сидел Валерий, было выбито и закрыто наспех куском другого стекла, мутного. Сквозь мутное стекло заоконная природа казалась нарисованной крупными мазками. Напоминает ранний импрессионизм. Какой-то бульвар в каком-то Париже... О чем это сейчас говорят?

Говорили именно о нем. В отсутствие Валерия дети на радостях вспороли стульям животы (всем до единого) разбили толстенную стеклянную доску в двести килограмм веса

и в палец толщиной: вывинтили из мебели все шурупы и, очевидно, съели их (шурупы не нашлись), мебель развалилась, разбитая доска порезала двух первоклассников, одного серьезно, испорченные стулья показали дурной пример и дурной пример заразил другие классы. Мама порезаного подала соответствующее заявление (не лыком шита), стулья самозагорелись, выброшенные в подвал, и чуть не сожгли первый этаж, за мебелью пришла инвентаризация и мебели не нашла.

Вопрос: Кто будет отвечать?

Ответ:

– Дайте мне сказать, – откликнулся Валерий.

Скромный представитель запрядал ушами.

Директор был, мягко скажем, удивлен и потому не погасил выступающего вовремя.

– Я сюда пройду, – сказал Валерий и вышел к передовой парте, где шуршали несметными бумажками две пожилых шуршуночки.

Он продолжил:

– Хочу ответить на вопрос – действительно, кто будет отвечать? Когда хозяйка варит невкусный борщ, то виновата хозяйка. Когда в моем классе беспорядок, то виноват я. Когда беспорядок во всей школе, то виноват – кто?

Он выдержал красивейшую паузу. Даже шуршуночки прекратили шуршать. Стало так тихо, что в столовой на втором этаже зазвенели ложки. И он продолжил.

Он продолжал о том, что... Но это не интересно.

Что же случилось? — думал он. — Я не был на это способен раньше. Конечно, всему виной клиническая смерть. Туда уходит один человек, а возвращается оттуда другой. Какая-то часть мозга умирает, сбиваются мелкие настройки, ты становишься проще и, как в моем случае, сильнее.

Он продолжал говорить. Директор несколько раз пробовал перебить, неудачно. Валерий видел просыпающиеся глаза, разгибающиеся спины, молодеющие лица и авторучки, выпавшие из пальцев. Только представитель записывал. После него выступили еще трое потенциальных забияк (забияки держались для натравливания на недовольных) и покусали директора каждый со своей, с очень неожиданной стороны. Начинало всплывать такое, что впору было присуждать сроки.

Представитель выступил и замял скандал.

— Я думаю, что главное уже сказано, — отметил он, — все важное я записал. Если нет возражений, то на сегодня мы прервемся. А вас (директору) я попрошу спуститься в кабинет.

Несколько голосов не захотели прерываться и их прервала коллективная воля.

— Вам очень повезло, — сказала одна из шуршуночек, — сегодня утром Наш с Ихним имели крупную ссору. Он только и искал, к чему бы придраться. Ваше выступление было очень кстати. Но вам этого не забудут.

Валерий принял поздравления, написал заявление по собственному желанию и отнес на подпись. Заявление было подписано сразу. Разговор в кабинете был жестоким: директор огрызался, как крыса, которую мальчишки загнали в угол. На столе лежали две смятые бумажки и одна под столом. Телефон безответно трезвонил. Приближенные делали похоронные лица.

Секретарша быстро рвала документ, поглядывая на дверь – если появится, то проглочу обрывки. Прощай. Прощай, храм разумного, доброго и вечного; прощай, обитель детских слез и восторгов; прощайте, четыре лучших года молодости; прощайте, четыре года бестолкового труда; прощайте все, кто...

Не дорожке показалась Бобрыкина и сказала невинное «здрасьте». Валерий сочно промолчал в ответ.

Он вспоминал слова, сказанные одной из шуршуночек: «Вам очень повезло». Действительно повезло. Заявление подписано и никакой материальной ответственности. Даже за четырнадцать бутылок не придется платить. Но не это главное. Главное в одном слове: «повезло».

Он остановился, как будто наткнулся на столб.

– Ведь именно везение я просил у этой потусторонней твари!

Но ведь везет, ведь действительно везет. Он только сейчас заметил это: утром троллейбус подошел сразу и был пустым, яичница была вкусной, а не пересоленной, как всегда, в

школьном буфете завелись любимые пирожки с мясом и со смешной ценой, прохожие улыбались, собрание... В чертенка верить неразумно, хотя хочется (всегда веришь в чудо, но как-то «про себя»). Что-то сдвинулось в мозгу, что-то разорвалось и срослось по-иному? Жизнь меняется? Это нужно проверить.

Валерий стал перебирать возможности: первое – лотерея, на станциях метро продают такие билетки, красные с желтым, если не везет, то я не выиграю; второе – нужно что-нибудь задумать и посмотреть, исполнится ли; третье? третье, например, ипподром, где выигрывают большие деньги. Но я ничего не знаю об ипподромах, кроме того, что показывают в фильмах. Это можно пока отложить. Четвертое, если получится первое и второе, это Людочка (как я мог ее поставить только на четвертое место?), нужно встретить ее и выяснить отношения.

Теперь я вдовец. Она думала, что холостяк. Должна простить.

Нужно встретить. Пятое – кому-нибудь отомстить. Это так приятно.

Он начал вспоминать всех людей, которые незамедлительно нуждались в его мести, и сбился со счета.

Он ехал в метро и заглядывал в глаза девушек. Девушки сидели, стояли, входили и выходили, они были очень разными, но все глаза улыбались в ответ. Как их много здесь – с сумочками, с зонтиками, с мужчинами, с экзаменами на носу.

Вот одна в плаще, с мятой тетрадкой в одной руке и кульком в другой. Обернись! Она обернулась и оказалась обладательницей невыносимо короткой голубой юбки.

Улыбнулась. А эта? Эта – коротконожка в джинсах с такой походкой, будто опоздала в туалет. Тоже улыбнулась.

Попробуем кого-нибудь поуродливее. Вот худшше еврейское лицо лет пятидесяти. Тоже расплылось. Вот рядом позднее издание того же лица, еще не потрепанное. И эта улыбается. А как мужчины? – Два старичка обернулись и один сделал приглашающий жест профессионального алкоголика. Молодая мать с девочкой на руках вышла из вагона и остановилась, чтобы поправить выпадающее чад; Валерий посмотрел в глаза ребенка, проверяя; девочка замерла, в непонимании, вдруг извернулась (с совершенной грацией кошки, которую запихивают в сумку) и начала судорожно махать Валерию ручкой. Мать оглядывалась по сторонам; легкое безумие в глазах.

Оказывается, это так просто – смотри и улыбайся.

Он вышел на пересадке, где иногда громкоголосый старец зазывал купить лотерейный билетик. Сейчас голос старца не был слышен, но Валерий чувствовал, что стол с билетиками стоит и ждет, и каждый билетик, к котором потянутся его пальцы, будет счастливым.

За столом сидела симпатичная толстушка и читала книгу в газетной обертке. Бесчестный укол судьбы – толстушка похожа на Асю. Нет, совсем не похожа, просто показалось.

– Я возьму? – спросил Валерий и улыбнулся.

Толстушка улыбнулась в ответ.

Он протянул руку, пытаясь протянуть тонкие и властительные нити от пальцев к билетикам. Было такое чувство, что из пальцев выходят паутинки.

– Вот этот, – он взял и отказался от монетки, предложенной толстушкой (монетка – чтобы счистить серебрянный блеск). Он снял тонкую пленку ногтем большого пальца и увидел букву со скрытым смыслом. Оказывается, нужно тянуть еще раз. Он попробовал снова – и снова с тем же результатом.

– Вам везет, – сказала толстушка, – так вы все мои билетки возьмете.

Она начала вставлять новые.

Ничего не добившись, но не утратив веры в удачу, Валерий вышел из метро. Хочу, чтобы вышло солнце, – подумал он, и солнце вышло, проявив беготню теней, невидимых до сих пор.

Хочу какую-нибудь другую лотерею! – и он подошел к киоску, торгующему невзрачными билетиками.

– Выбирайте, – сказала карга.

– Выберите вы, – ответил Валерий и карга улыбнулась, став милой старушкой с маленьким, будто обезьянним, лицом.

Она выбрала и выплатила выигрыш: пятьсот тысяч. Валерий решил не пробовать больше; если удача с ним, она все

равно проявит себя.

Отойдя от киоска, он увидел на лотке учебник, который давно искал. А вот и не куплю тебя, – подумал Валерий. – Если не куплю, то ты плохой учебник. Зато если куплю... Было приятно думать, что от его выбора что-то зависит.

– Вы верите в удачу? – спросил он мужичка в черной куртке, державшего себя за локти. Мужичок радостно закивал и раскинул руки, будто собираясь обниматься:

– Верю. Мне всегда везет, если я верю, что повезет. Сейчас расскажу такой случай! было это в Перми...

И мужичок рассказал случай. Случай был занятен. Чего только не бывает в жизни. Валерий слушал и погружался, как погружаются воду, перестав барахтаться и выдохнув воздух – медленно, медленно отплывает стекло поверхности и темнеет все вокруг – любимая, как я помню тебя – красная извилинка в белке левого глаза; тонкая рубашка, лишь полуприкрывающая грудь; привычка идти, держась за мою правую руку; очки от солнца, вечно сползающие с волос; губы цвета раннего заката и такая, такая музыкальность вздоха...

Тонкая рубашка, лишь полуприкрывающая грудь; очки от солнца, вечно сползающие с волос; губы цвета раннего заката и такая, такая музыкальность вздоха... Людочка сидела на коленках у добра молодца, встреченного позавчера на пьяной вечеринке по поводу желания устроить вечеринку.

Доброго молодца звали, вроде бы, Олегом, и Людочка влезла на коленки не от изныва страсти, а по вполне профессиональной причине – интересовалась мнением прохожих.

Прохожие, как и положено, проходили. Издалека приглядывались, потом отворачивали головы или смотрели на нее как на фонарный столб. Людочка вглядывалась в лица зло, с выражением пойманного волчонка, добрый же молодец гладил ее волосы так нежно, что не одна женская душа позавидовала, вслепую проходя мимо.

Людочка сползла с колен и легла на скамейку, положив голову на мужские колени. Так она могла видеть лица, а лица могли видеть ее черные, в большущую клетку, колготки.

Прохожие отворачивались, едва коснувшись взглядом.

Шла белокурая дама с мальчиком лет четырех (*tabula rasa* в полосатой шапочке, сам на себя наносит первые штрихи); облизывала с ним по очереди один леденец на палочке, опуская леденец на уровень жадных губок, верхняя выпячена.

– Мама, а у тети туусы, – удивился мальчик, подразумевая

букву «р». Задрал голову, желая увидеть объяснение.

Дама состроила неплохую гримасу из уползания губ влево и ничего не ответила. Людочка запомнила гримасу и попробовала ее на своем лице, получилось, стоит запомнить. Пока другие отдыхали, она работала.

Появился Лерик в конце аллеи, какой-то особенный, привознесенный, неужели зарплату получил? Сейчас будет престная сценка, которую нужно запомнить поточнее. Не забыть о реакции прохожих. Артист должен вначале увидеть, и только потом показать, если сумеет... Нет, сегодня он не такой как всегда... Лучше не придумывать реплик заранее, а положиться на интуицию... Попробовать держать паузу... Это трудно – держать паузу, когда ты крупным планом...

Лерик подошел и остановился. Людочка держала паузу. Две одинаковых блондинки и элегантнейший старикашка уже остановились, образуя первый ряд партера. Подходят следующие: карикатура на человека, стручок в форме курсанта (ВВ на погонах, лихой красный берет, высохший взгляд, кривые лапки), с ним толстая мадам. Дама с ребенком приостановилась вдалеке.

Женщина чувствует сцены телепатически.

– Встань! – скомандовал Лерик и стало чуть-чуть страшно.

Она встала, не отвечая, и Лерик влепил пощечину.

– Ну-ну, – вмешался элегантный старикашка.

– Это моя женщина, – сказал Лерик вполне натурально, –

пусть кто-то попробует вмешаться.

Глаза стоящих женщин загорелись янтарем, как у тигриц.

– Идем со мной.

И она пошла. Олег поробовал сказать что-то напоследок, но Людочка его оборвала. Ничтожество.

Она пошла, покорно, со стыдом и радостью. Будто было сказано волшебное слово, которое, как в красивых сказках, превращает принцессу в каргу и каргу в нежную принцессу.

Нужное слово действует как радиация: оно меняет твой генетический код.

– Мама, а тетю побии, – сказал ребенок, подразумевая букву «л».

– Так ей и надо, – ответила дама. Дама была слегка консервативна.

Вечерние улицы подсвечены, но не фонарями, фонари сейчас ударились в экономию, и не окнами домов. Вечерние улицы подсвечены тайной и тайна сквозит во всем: в черных дворах (точнее, в провалах между домами, город забыл что такое дворы), в черноте движутся тени и решают свои темные проблемы и обсуждают свои теневые стороны жизни. Бульвар кое-где проколот насквозь спицами постусторонних огней (по ту сторону закусовые с громкой музыкой и потными лицами) но в общем-то бульвар темен. В его темноте слышны голоса всех калибров: голосочки, голоски, голоса, голосища, голосины. Беседуют, вижат, орут, ругаются, го-лосят, смеются. Это земные тайны, но в берегах древесных крон течет небесная река и так и хочется остановиться, задрать голову, и подслушать, о чем шепчутся там, наверху. И звезда с звездой говорит – почему бы и нет? Угадал ведь он, не бывав в космосе, «спит земля в сиянье голубом»?

Надвинулся автомобиль – наглая жирная иномарка – и, не торопясь, провел полосой света по глазам как кисточкой.

Валерий прикрыл глаза ладонью. Из двора выскочил игривый доберман и со свирепым лаем набросился. За ним выскочил голос: «не бойтесь, он не кусается», а за голосом его хозяйка. Нужно будет купить газовый балончик, – подумал Валерий. Один раз получают, второй раз не полезут. Он пошел

дальше.

У угла дома номер тринадцать трое мальчиков постарше выворачивали карманы маленькому. Маленький негромко плакал и обещал рассказать папе. Старших это не пугало. Наша будущая элита, — подумал Валерий, — как раз эти пробьются. Не каждый, но каждый третий пробьется. А папа ничего не сделает. Скорее всего ему и не скажут. Он стал вспоминать преступления недавнего времени, которые так или иначе запоминались.

Убийство Листьева в подъезде. Уже радиостанции стольких стран передавали траурное сообщение и все все знали, каждый знал, но наше радио передавало бодренькие народные танцы. Хотя и там, на радио, уже все знали, но только не получили указки сверху. Убийц не нашли. В прошлом месяце — муж вышел и сел в машину, в его квартиру позвонили; жена открыла мужу, но это был не он. Задушили шарфом. Убийц не нашли. Тогда же — две женщины, живущие в одной квартире, найдены мертвыми в разных местах города. Не знаю как вторая, а первая умирала долго. В нее всадили отвертку прямо в вагоне трамвая. Всадили отвертку восемнадцать раз. Она села (уступили все же сидячее место!) и истекала кровью. Никто не сообщил в милицию. Через шесть остановок женщина сошла и села на скамье. Там ее и нашли утром, мертвую. Полтора месяца назал убили ученика, утром, на глазах у соседей. Затащили в собственную квартиру и стали медленно, без опаски убивать. Крики и грохот

были слышны даже на улице. «Не убивайте, я молодой, я не хочу умирать!» – был улыбчивым, незаметным, волосы с рыжинкой. Сидел за четвертой партой у окна. Убийц не нашли.

Где-то здесь, за кустами сирени, прятался телефон. Скелет будки на каменном возвышении, а внутри – телефонное сердце, иногда бьется, иногда молчит. Валерий поднял трубку – телефон был жив и громок; наверное, недавно сменил своего предшественника, умершего на посту.

– Алло, Люда?

– Кто звонит? – голос весел, на полуноте оборванного смеха, весь дрожит от нетерпения, хочет досмеяться.

– Это Лерик. Я сейчас к тебе приду.

Смех отдрожал, повисла пауза.

– Ты не хочешь?

– Хочу, но...

– Я приду без всяких «но».

Люда зашептала в трубку:

– Сейчас сколько? Восемь. Подожди до вечера. До одиннадцати. Я буду тебя ждать, дверь будет открыта. Сейчас я не могу.

– Я приду в девять, – сказал Валерий, – и пусть дверь будет открыта.

Он повесил трубку.

У телефона стоял страшно воняющий пьяный (после того что случилось, Валерий не выносил запаха спиртного – все же, клиническая смерть, это не шутки). Пьяный подвинулся

так близко, как подвигаются только влюбленные женщины или вдрызг пьяные и начал шептать: шптптптшптпттшп.

– Что? – спросил Валерий.

– Ну, я немножко выпил, то есть, я это, я много выпил, я не знаю... (на этом месте пьяный уперся своим лбом в лоб Валерия, для равновесия)... я не знаю. Но мне надо домой...

– Ты не в ту сторону идешь, – ответил Валерий, – выходи на асфальт и иди прямо, все прямо и прямо, потом повернешь.

– А ты мне скажешь, где повернуть?

– На проспекте Ильича.

– А, Ильича! – обрадовался пьяный, – я пошел...

– Иди.

Валерий снова набрал номер, подождав, пока проедет машина и осветит темный диск.

– Это опять я.

– Что ты хочешь?

– Почему ты сказала, что оставишь дверь открытой, я ведь могу позвонить?

– У нас сломался звонок.

– Ты с кем сейчас?

– Сама.

– Тогда говори громче, не шепчи.

– Я не шепчу, это телефон, – она повесила трубку и обвела взглядом комнату.

В комнате было еще двое. Первый – мужчина лет сорока

пяти, невысокого роста, плотный, с выразительным лицом и умными глазами. Глаза хитрят, прикидываясь простоватыми. Глубокая морщина у левой брови и совсем нет морщины у правой. Брови подпрыгивают, реагируя на каждое слово собеседницы. Чем-то напоминает киноартиста, на самом деле – декан экономического.

Рядом с ним на диване, дежурная студентка – тонкое симпатичное лицо, белая блузка (белая до той степени чистоты, которая недоступна мужскому глазу) под блузкой на все готовая плоть. Плоть просвечивает в нужных местах. Ниже – шортики в голубую полоску, короткие, но с длинной бахромой. Волосы того оттенка крашенности, который увидишь у каждой второй в метро.

Люда позвала ее глазами и ушла в кухню.

– Что такое? – спросила студентка и ярко улыбнулась.

Улыбка была чуть напряженной, чтобы не показать жвачку на передних зубах. Так улыбаются дети, когда боятся, что леденец отнимут.

– На сегодня все, – сказала Люда, – уходи. Дальше я сама.

– Нет, – сказала студентка, – я еще не обо всем договори-
лась.

– Я договорюсь за тебя.

– Обещаешь?

– Да.

– Ну смотри.

Они вышли в зал.

– Сергей Иванович, меня прогоняют, – сказала студентка, и принадула верхнюю губку.

– Кто тебя выгоняет?

– Это я, Сержик, – ответила Люда. – Я хочу быть только с тобой.

Сержику было вполне все равно и студентка убралась.

– Возьми мой автомобиль! – крикнул он напоследок.

Студентка кивнула и прикрыла за собой дверь. На лестнице она встретила худого и очень черного грузина с тончайшими усиками над губой.

Грузин уперся рукой в стену и не отходил. Студентка прошла взглядом по руке: у плеча кожа была темной, у локтя – совсем темной, а кисть вполне могла принадлежать негру.

Неравномерный окрас – признак породы.

– Чего хочешь? – спросила она.

– Что ты так сразу, чего хочешь, чего хочешь? – обиделся грузин и убрал руку.

Студентка пожала плечами и прошла. Метрах в двадцати стояла машина декана вместе с шофером. Шофером была женщина, очень нервная на первый взгляд, в огромных очках (дужки крепились снизу к стеклам), с напряженным лицом и подрагивающими длинными пальцами на руле.

– Сказал, чтобы ты меня отвезла.

– Возвращаться нужно?

– Я думаю, не раньше утра.

– Тогда поехали.

– Что-то там не чисто, – сказала студентка.

– Не наше дело, – ответила шофер.

Люда приласкала дорогого гостя, сделала глоток из бокала и удалилась на кухню. До девяти оставалось еще пятьдесят минут.

Лерик заявится обязательно. После того, что он устроил в прошлый раз, Люда стала относиться к нему серьезно. Дека-на выгнать она не могла, не впустить Лерика тоже. Напоить гостя до беспамятства – это хорошая идея, но неосуществимая, увы, цейтнот. Нельзя стоять, нужно действовать. Время работает против тебя.

Она снова прошла сквозь зал и ушла в спальню.

– Ты куда, моя дулечка? – развеселился гость. – Твой маленький хочет, чтобы его приласкали. Или ты хочешь, чтобы твой маленький плакал?

– А ты мой маленький?

– Просто крошка. – И он заплакал.

– Боже, как я тебя люблю! – простонала Людочка. – Голова болит, выпью таблетку. Не хочу быть кислой с тобой... Я так соскучилась по твоим рукам...

Она вывернула ворох таблеток прямо на ковер и принялась перебирать. Нужной не находилось. Гость напевал в зале:

Очи черные, ты приди ко мне,

Очи страстные, не дождусь тебя

И прекрасные, сейчас сам приду,
Как люблю я вас, расстелю постель...

Вот оно.

Две пластинки феназепама. В каждой по десять таблеток.

Лучшее снотворное, – говорили друзья, – и не вредное, потому что дает естественный сон. Отравиться нельзя, безопасная доза – десять таблеток. Чтобы заснуть – достаточно четвертинки или половинки одной. У Люды часто бывала бессонница, она не раз проверяла на себе это средство. Плохо лишь то, что сон и в самом деле естественный: человек спит крепко, но может проснуться от любого шума. Проснется, выпьет воды, помечтает у окна, и снова заснет, до утра теперь уже. Но ведь проснется. И ничего не забудет утром.

Она стала вылуцивать таблетки из пластмассовых пуговичек.

Наклеенная бумага была плотной, и таблетки не вылуцивались.

Одна даже сломалась и рассыпалась в труху. Прошло еще пять минут.

– А я здесь! – подкрался гость, уже без рубашки, и схватил ее за интересные места, – я хочу тебя поцеловать!

– Прости, сейчас.

Она смяла пластинку в горсти и выскользнула из объятий.

Прошла на кухню и содрала плотную бумажку ножом. Таблетки не имели вкуса, но плохо растворялись. Перед тем, как бросать в кофе, их нужно было растолочь. Люда высы-

пала таблетки в блюдечко и стала толочь ручкой ножа. Одна выскользнула и прыгнула на пол. Судя по звуку, покатилась. А ведь не заснет быстрее, чем за полчаса, быстрее не заснет. Осталось минут восемь на все. Она упала на колени и стала водить рукой по полу. Вот.

– Я соскучился! – снова появился гость. – Что ты ищешь, давай вместе искать.

Он стал на колени и начал бодаться. Ее ладонь легла на таблетку.

– Что у тебя в руке?

– Закатилась таблетка.

– Покажи.

– Вот.

– Странная какая-то.

Гость посмотрел так, что захотелось спрятаться.

– Да это мне из-за границы привезли, она вкусная.

– Ну ладно, я подожду.

Он остался сидеть на полу.

Люда растолкла таблетки в блюдечке и половинку проглотила сама, демонстративно. После половинки будет клонить в сон, но с половинкой бороться можно.

– Что-то я спать хочу, – сказала Люда и зевнула, – это из-за шампанского. Может, выпьем кофе?

– Выпьем, – согласился гость, – больше всего в жизни не люблю трех вещей: спящих женщин, женщин спящих и третьего еще не придумал.

Он ушел в зал и Люда приготовила кофе. В его чашке растворила десять таблеток, а в своей – три ложки кофейного порошка, чтобы не уснуть. Оставалось ровно полчаса.

Она разделась и легла рядом с гостем, начала гладить его волосы. Гость закрыл глаза.

Афишки и портретики глядели со стен. Фотография голы Люды (прикрытой только искусно сгущенной тенью) плялилась всеми полутора квадратными метрами. Кошка Барсик (потом узнали, что был кошкой) вспрыгнула на постель, предварительно процарапав одеяло. Гость стал рассказывать о своих неурядицах и о том, какие бывают стили одежды. Лицо расслабилось и сейчас он напоминал артиста больше чем обычно. Было без десяти девять, но, судя по голосу, он не собирался засыпать. В довершение всего он встал и попросил еще кофе.

– Как, еще? – обмерла Люда.

– Да, что-то спать хочется.

– Сейчас, милый, только вымою посуду. Это одна минутка.

Посиди пока здесь.

Она начала мыть чашки. Оставалась пять минут, четыре, три.

А Лерик может прийти и раньше. Когда-то он часто приходил заранее. Вот уже девять. Тишина.

Люда на носочках вышла в зал. Гость спал в кресле, приоткрыв рот и откинув левую руку. В руке умирала недоку-

ренная сигарета. Кошка Барсик привставала на задних лапках и нюхала чужой рукав. Что она там нашла?

Люда вынула сигарету из нечутких рук и затушила. Потом поспешила в коридор и отключила звонок. Прислушалась. На лестнице слышались голоса и шаги.

Оставался почти час, и Валерий шел медленно, выбирая вмеру окольные пути. У бара стояла толпа, человек в семь, и наблюдала, как один пьяный бьет другого. Избиваемый был мал ростом, но прыток; после каждого удара он отступал на несколько шагов назад; таким образом толпа медленно вращалась, как маленькая галактика. Вот из того же бара вышли две девочки и стали вытирать грязные ладони о свои юбки, при этом юбки задирались и отвлекали толпу. Галактика завращалась неравномерно.

Чуть дальше под деревьями были слышны голоса и Валерий сразу же представил себе их обладателей: две-три обязательные женщины с обязательно коричневыми лицами, в обязательно грязных платьях, один пузан с громким голосом, несколько истощенных в майках, с лицами скелетов и широкими челюстями; все сидят на длинном бревне, а пузан стоит с командирским выражением живота – вот-вот откроют очередную бутылку.

Он прошел сквозь парк в одном направлении, встретив на дорожке несколько мрачных теней, продолжая думать о нераскрытых убийствах; пошел обратно. Мрачные тени сгустились и заняли всю ширину дорожки. Их было четверо и еще одна шелестела сзади.

– Привет, – сказал голос, – вот мы и встретились.

– Привет, – сказал Валерий, – это ты, Штырь?

Тень замешкалась с ответом.

– Не ты?

– Не я.

– А Штырь где?

– Почем я знаю.

– Он должен был ждать меня здесь, – сказал Валерий, – если придет, то передашь ему, что он мне не понравился. Он знает, что это значит.

Валерий отодвинул рукой самую широкую тень и прошел.

– Эй, – от кого передать?

– От меня, – ответил Валерий и тени отстали.

Снова везет, снова удача. Штыря Валерий придумал, взяв на металлический шест на полянке – шест был предназначен для политических карнавалов и потому его красили каждую весну.

Штырь – просто первое слово, которое пришло в голову. Почему бы и не Штырь?

Он уходил вдоль аллеи, а пятеро дебилов стояли в нерешительности. Сегодня они столкнулись с чем-то, что не позволяло им действовать как всегда. Здесь нужно было подумать, а думать они не умели.

– Кто такой Штырь? – спросил один из дебилов.

– Значит, есть такой, раз сказал.

По аллее приближался еще кто-то. Дебилы выстроились в боевом порядке.

– Привет, – произнес главный дежурную фразу, – вот мы и встретились.

Он попробовал было вынуть нож, но не успел. Удар в голову вырвал его из реальности на ближайшие двадцать минут.

– Привет, – сказала тень, – брысь с дороги.

Дебилы покорно расступились.

Тень сделала несколько шагов, потом обернулась:

– Почему вы его отпустили?

– Он сказал, что знает Штыря.

– Кого???

– Штыря.

– Он не мог знать Штыря.

– Он сказал.

Тень помолчала, думая.

– Это меняет дело.

– Эй, поинтересовался один из дебилов, – а кто такой Штырь?

– Это страшный человек. Лучше не бери в голову.

На двери нужного подъезда кто-то написал желтой краской слово, начинавшееся с «п». «П» подтекло и напоминало нотный знак – две восьмых. Здесь же стояли пятеро допризывников и хлопали шестого по ушам. Шестой, отвернутый к стене, отгадывал. Все шестеро были нездорово костлявы, с большими лбами и маленькими подбородками. На ступеньках сидел очень черный грузин с маленькими усиками. Грузин попросил закурить и Валерий не дал, хотя нащупал в кармане зажигалку.

Понаезжают всякие и просят закурить.

– Эй, – сказал грузин, – она уже ушла, давно ушла.

– Из какой квартиры?

– Из двадцать шестой.

– Из двадцать шестой не ушла бы, – ответил Валерий.

– Ты што мне не веришь? – возмутился грузин, делая ударение на слове ШТО. Бывают такие вспыльчивые, горячая кровь.

Дверь двадцать шестой была приоткрыта, торчал язычок коврика. Валерий нажал звонок (на всякий случай, звонок не сработал) и вошел. Люда была в домашнем халатике и с распущенными волосами. Ее глаза блестели, текуче отражая два зеркала в прихожей – справа и слева. Валерий взглянул в зеркала и увидел бесконечность, самая интересная часть

которой была заслоняема его собственным лицом.

Люда повисла на шее и зашептала на ушко.

– Что ты говоришь?

– Тише.

– Ты же сказала, что мы будем одни.

– Так получилось. Приехал папа из Вологды. Всего на два дня. Не предупредил, точнее, посылал телеграмму, а телеграмма не успела. Ты же знаешь, как сейчас идут телеграммы?

– Ты будешь знакомить меня с папой?

– Нет, он сейчас спит. Ты, пожалуйста, тихо, не разбуди.

Он так устал, что заснул в кресле. Я его пледом накрыла, бедняжка. Он так много работает.

Валерий смотрел на Люду и его душа теплела – как умеет любить эта женщина, сколько заботы, ласки, добра...

– Знаешь, Людочка, – сказал он, – а я ведь был женат, теперь вдовец. Я не говорил тебе, ты меня простишь?

– Идем, – она провела его в зал и посадила на кресло (напротив дремлющего папы), присела ему на коленки. Все получилось просто и естественно.

– Не при папе же? – удивился Валерий.

– Он бы не одобрил, конечно, – ответила Люда, но он обычно спит очень крепко. Помню, когда была маленькой, я будила его по утрам. Вот то-то была мука!

Она положила руки на плечи Валерию.

Валерий не совсем точно знал, что делают в таких ситуа-

циях. С Асей об этом и речи быть не могло – еще в первую ночь она оделась в толстенную ночную рубашку и стала жевать бутерброды с икрой (оставшиеся от праздничного стола). Жевала она сидя, ожидая, пока Валерий заснет. Еще несколько ночей прошло в том же духе. Потом они переехали на дачу, ради медового месяца. На даче была всего одна комната и ее перегородили ширмой. Ася сразу же заявила, что в таких условиях она не может. После двух недель на даче она сбежала к отцу своего ребенка (а ребенок – это вечно плачущее несчастье!) и через девять дней вернулась веселая, румяная и с наглым счастьем в глазах. Валерий попробовал распросить и получил такие насмешки, на которые была способна только Ася.

Жалости в ней никогда не было. Вечером она сообщила, что муж, который почти месяц не спит с женой – это не муж, а бревно, поэтому она его мужем не считает. Это были самые счастливые дни супружества – праздники любви. Потом потянулись будни. А чертик был неправ, рассказывая, что Ася убилась, упав с лестницы. Ее судьба была более и драматичнее. Иногда судьба устраивает трагедию, ей нравится работать на зрителя, особенно если зритель умеет смотреть.

Ася всегда хотела быть врачом. Мечтала об этом, даже окончив радиотехнический и, казалось бы, избрав свой путь окончательно. Ее мечта стать врачом – пожалуй, единственная тема, на которую она говорила с Валерием откровенно. Ей снились белые халаты, резиновые перчатки, пузырьки с

лекарствами и люди, молящие о помощи. Не имея никакого образования, она прочла горы книг по медицине и могла порой властно осадить завирающегося участкового врача с приторной фамилей (как же его? – Паточнов). Она имела очень больные почки, но не позволяла никому даже намекать на это. Пожалуй, она знала, что раньше или позже все равно умрет. Раньше друзей, любимых, отца с матерью. Но умереть так рано...

В гостях у любовника ей стало плохо. Вызвали «скорую».

Врач достала лекарство и начала наполнять шприц. «Нет – сказала Ася, – мне этого нельзя. У меня сразу откажут почки».

«Много ты понимаешь, – ответила врач, – лежи и молчи!». Ася попробовала сопротивляться, но врач попалась с нором и попросила любовника подержать Асе руки. Любовник подержал, добросовестный. Когда укол сделали Ася сказала: «Теперь все. Я буду являться к вам после своей смерти. Буду являться каждую ночь.»

«Являйся на здоровье», – ответила врач и уехала. Ася прожила еще четыре дня.

– Какой ужас! – прошептала Люда, – этого нельзя так оставлять!

Валерий заметил, что вспоминает вслух. Часы показывали половину одиннадцатого. В комнатах было по-ночному тихо.

Включился холодильник с преувеличенным звуком – подчеркивал собственную значительность.

– Ты ее любил, – сказала Люда.

– Нет, только тебя.

Люда с минуту посмотрела на стену стеклянным взглядом, потом очнулась и спросила:

– Сколько у тебя было женщин до меня?

– Ни одной.

– Значит ты ничего не умеешь?

– Я научусь. С чего начинать?

– С ужина, – ответила Люда, – остальное потом.

Они поужинали какой-то пожелтелой картошкой на блюдечке и закусили ее салами. От шампанского Валерий отказался, сказав, что пока не может пить. Люда выпила еще один крепкий кофе и они прошли в спальню.

– Ну, – сказала Люда.

– Что?

– Закрой глаза и протяни руки. Ничего не делай, пусть руки все сделают сами. Позволь пальцам посвоевольничать.

Валерий открыл глаза:

– Я так не могу. Как могут пальцы думать за меня? Это просто бред какой-то.

– Мужчина с женщиной – это всегда легкий бред, – ответила Люда, – это легкий бред, достигший совершенства.

– Не могут же пальцы сами рассегнуть пуговицу?

– О, еще как могут. Ты им только не мешай.

Он протянул руки и коснулся мягкой ткани на ее груди.

Ткань впитала ладони (так промокашка впитывает кап-

лю) и ладони поползли. Первая пуговица расстегнулась – так неожиданно, что Валерий искренне удивился.

– Как так получилось?

– Ты просто пальцем зацепил. Не открывай глаз, пока.

Потом они поставили на тумбочку неяркую лампу и занавесили ее зеленой простыней (минздрав, минздрав, минздрав, минздрав... – было написано на простыне: нездоровое чувство собственного достоинства у этого минздрава...)

Еще два часа они катались по широкой кровати, попадая то вдоль, то поперек, то сверху, то снизу, иногда скатываясь и снова вползая. Валерий пыхтел как паровоз, но работал с большим КПД. Наконец Людочка устала и высказала свое одобрение.

– Теперь ты мой, – сказала она, – теперь ты мой навсегда.

– Конечно, – ответил Валерий.

– Нет, ты не понимаешь о чем я говорю. Я ведь была твоей первой женщиной, а сегодня была твоя первая ночь. Такое не забывается.

– Конечно, – снова согласился Валерий.

– Ты опять меня не понял. Теперь, всегда, даже если ты будешь обнимать другую женщину, ты будешь обнимать меня – я научила тебя любить и я останусь в тебе, кого бы ты ни любил после.

– Я не хочу никого другого.

– А я и не позволю. Ты ведь меня плохо знаешь – я ведь плохая женщина, иногда я даже страшная женщина, впору

самой себя бояться. Я вцеплюсь в тебя как клещ и никогда не отпущу.

Я страшно ревнива. Я буду ревновать тебя к каждому столбу и, конечно, не допущу никаких посторонних женщин. Потому что я тебя люблю. Но я знаю, что ни одному мужчине верить нельзя (да, да, помолчи!), и если ты даже обманешь меня, и если ты даже меня предашь – я все равно буду тебя любить. И моя любовь не позволит тебе быть счастливым с другой. Даже и не пытайся.

– Я не пытаюсь, – ответил Валерий.

– Попытаешься когда-нибудь. Но я не дам тебе жизни. Даже если меня не будет поблизости, то с тобой всегда останется наша первая ночь – твоя первая ночь, когда ты научился любить. Запомни, это было лучшее в твоей жизни. Лучшего уже не будет. Твой пик счастья был сегодня ночью – дальше будет лишь пологий спуск. Когда-нибудь ты попробуешь повторить все то, что мы делали сегодня с тобой. Но у тебя не получится.

Потому что никто не поднимается дважды на пик счастья. Ты еще будешь тосковать об этой ночи.

– Я еще не думал об этом, – сказал Валерий.

– Когда-нибудь поймешь. Прости, у меня просто привычка к монологам – это профессиональное.

Около часу ночи в зале послышался кашель и папа встал с кресла.

– Что теперь? – спросил Валерий.

– Ныряй.

Валерий сполз в теплый сумрак между тумбочкой и кроватью.

Папаша вошел; Люда лежала, притворясь спящей.

– Ты спишь, лапочка моя?

– Нет, – передумала Люда, – я обиделась на тебя! Только приехал и сразу завалился спать, прямо в кресле! Такого я не ожидала!

– Ну, – сказал папаша, – не знаю, что на меня нашло. Даже сейчас глаза слипаются.

Люда поднялась и чмокнула его в щеку.

– Иди и садись в свое кресло. Я приду, когда перестану обижаться.

– Но?

– Иди, мой милый папочка.

Милый папочка ушел, Люда показала с кровати кулак, чтобы Валерий не вздумал высунуться, и подождала несколько минут.

Потом на цыпочках вышла в зал. Милый папочка спал снова.

Она включила свет – папочка не проснулся.

– Иди сюда, – сказала она Валерию, – он крепко спит.

Ложись спиной на ковер. То, чему ты учился сейчас – то был детский сад. А теперь будет высшая математика. И она начала урок.

Часа в четыре, когда небо начинало неуверенно светлеть

Люда снова отвела его в спальню и заперлась изнутри.

Валерий стоял и смотрел в окно. Улицы были совсем пусты и по-доброму печальны, как квартира перед вселением шумных жильцов.

– О чем ты думаешь?

– О своем.

– Скажи мне, я хочу знать.

– Я думаю... Я думаю о том... Как это тебе сказать... Я думаю о том, что мне надоела эта жизнь. Я хочу вырваться.

На днях мы чуть не сбили машиной человека. Даже двух человек. Мы хотели их сбить и передумали в последние секунды. И вот что я думаю: если бы мы все же сбили их, никто бы не нашел нас. Можно убить человека и тебя никто не найдет...

– Кого ты хочешь убить? – вяло откликнулась Люда.

– Никого пока... Но ведь не только убить... И зачем обязательно убивать? Я молод, силен, умен, мне дико, неправдоподобно везет – почему бы не использовать это для собственной пользы? Что такого плохого в собственной пользе, что ею все тычут в нос? Я способен на поступок.

Мне хочется придумать что-нибудь огромное и сильное – настоящее преступление, о котором бы говорили все, которое бы никто не смог повторить. Я хочу быть богат, не только для себя, но и для тебя. Да, я хочу быть богат. Но если этого нельзя сделать честно? Ты меня слушаешь? Ты мне можешь.

Например, я неплохо играю в карты. С моим везением я мог бы много выиграть. Нет, это совсем не то. Или, я знаю дачу, недалеко от пашкиного домика, это трехэтажный дворец, возле нее крутятся автомобили как муравьи у муравейника. Сколько денег может быть там? Почему бы не прийти и не взять их?

Вчера в парке ко мне пристали, но я запросто отделался от них, просто взглянул на штырь, который торчал неподалеку...

Эти люди глупы... И у них нет моего везения. А ты – ты такая женщина. Не могу поверить, что ты со мной... Мы так много сможем сделать вместе... Ты меня слушаешь?

Но Людочка спала. Ночь и половинка таблетки сделали свое дело.

Они проснулись от стука в дверь. Часы показывали половину шестого. Валерий начал быстро одеваться.

– Люда, открой! – громыхал папаша.

Люда открыла окно, но неудачно, со звоном.

– Что ты там делаешь? – голос из-за двери.

– Любовника выпускаю, – ответила Люда и продолжила тихо, обращаясь к Валерию: – быстрее вылазь, я люблю тебя! (последнее она добавила для храбрости, все же четвертый этаж).

Валерий посмотрел вниз и развел руками.

– Да по винограду, по винограду! – продолжала шептать Людочка, подталкивая его к окну.

– Ну открой в конце концов, мне надоело!

– Сейчас, любовник упирается! Не хочет сползать по винограду.

Валерий издал несвоевременный звук и папаша насторожился.

– Ушел, – сказала Люда тихо, – пошел на балкон, чтобы посмотреть что делается здесь у окна. Если бы ты был смелее, мог бы сам перелезть на балкон, а потом выйти через дверь. Но теперь уже поздно. Сейчас ты его увидишь.

Валерий подошел к двери и отпер ее. В зале не было никого.

Людочка высунулась из окна по пояс и что-то говорила отцу.

Отец был на балконе. Валерий вышел в зал и направился к дверям. И тут заверещал звонок.

Сегодняшний день был особенно счастливым. Не потому, что Люда сказала напоследок «Я люблю тебя», хотя могла бы и не сказать. Не потому что все, в конце концов, хорошо обошлось со странным папашей. Не потому, что, наконец-то, он познал последнюю важную тайну, которую так долго скрывала от него жизнь – собственно, в тайне и не было ничего особенного; такое же развлечение, как и любое другое. Слишком много об этом говорят. Сексуальные меньшинства, те вообще сбрендили на этом. Большинство пока держатся. Есть вещи поинтереснее.

Одной из вещей поинтереснее было искусство. Сегодня Валерий был приглашен на концерт фортепианного авангарда.

С группой городских авангардистов он познакомился два года назад, случайно. Группа была довольно прозрачной общностью, с тремя фанатами во главе, издавшими несколько пьесс. Было еще человек двадцать или тридцать авангардистов невидимых, размазанных по всему городу с плотностью вероятности близкой к нулю в каждой точке. Сам себя Валерий считал безусловно талантливее их всех, вместе взятых, но, так как то же самое думал о себе любой из тридцати трех, собственное мнение как-то теряло в значительности. Совсем другое дело – мнение толпы. К толпе авангарди-

сты относились двойственно: искренне ее презирали и так же искренне, с замиранием дыхания на бледных губах, прислушивались к ее словам. Но чаще толпа молчала.

Сегодня состоится большой концерт столичного авангарда и, хотя звезд вроде Макарова или Леонтьева не ожидается, все звездочки поменьше обязательно будут.

Валерий задержался у кассы, наблюдая полное отсутствие потенциального зрителя. Стояла только Преображенская Наталья, известная ему по фотографиям. Наталья объясняла, что это ее концерт, ее собственное выступление сразу после антракта, она сама будет играть собственные сочинения, у нее такая работа, за это платят деньги, а неsgiбаемая старушка на все аргументы отвечала, что без билета никаких Преображенских она пускать не собирается. Чем меньше человек, тем сильнее его пучит от власти.

– Ну что с ней делать? – отчаялась Преображенская. – У вас нет билетика, случайно? Я любую цену заплачу.

– Нет, – ответил Валерий, – меня пускают бесплатно. Я по приглашению.

Покинув Преображенскую, он вошел в зал – и зал был неожиданно полон.

У входа продавали разные неожиданные вещи, чтобы подготовить слушателя к музыкальным неожиданностям. Валерий купил стеклянный елочный шарик в маленьком целофановом пакете. По инструкции, шарик нужно было разбить о другую, точно такой же. Внутри шариков лежали предска-

зания и пожелания. Если два пожелания совпадали, то они сбывались. По крайней мере, так обещал продавец шариков.

Валерий пробрался, высмотрев свободное место (было еще несколько свободных впритык за колоннами, там, где слышно, но не видно); рядом сидела девушка, показавшаяся смутно знакомой, и использовала вместо веера голубую программку.

Было жарко и шумно.

Валерий улыбнулся и девушка ответила, улыбаясь в ответ:
– Никак не ожидала встретить вас здесь.

В ее глазах загорались звездочки, как в вечернем небе. Что такое? – подумал Валерий. – Минуту назад все было так прочно, моя крепость могла выдержать любой артобстрел. Но вдруг вырастает колокольчик на камнях и стены падают. Неужели так может быть?

– Я не совсем поняла, – сказала девушка, – вы что-то ска-
зали об артиллерии и колокольчиках.

– Я что-то говорил?

– Да.

– У меня привычка думать вслух. Я думал о вас. Мы где-
то встречались раньше.

– Да, – ответила Тамара, – может быть, вам будет больно от моего напоминания, но я видела вас в больнице. Вы чуть не погибли тогда. Мне было страшно жаль вас. Вы сидели, сжав кулаки, и разговаривали с пустотой. Это так страшно потерять кого-то – я еще никого не теряла в жизни, но мне

кажется, что это очень страшно.

– Да, – сказал Валерий, – это самое страшное, что можно представить. Я только что представил, что потеряю вас, и мое сердце сбилось с ритма.

– Не стоит делать таких комплиментов.

– Почему?

– Сердце остановится. В лучшем случае вы опять попадете в больницу, а в худшем – на тот свет.

– На том свете я уже был, – сказал Валерий, – целых четыре минуты. О рае ничего не могу сказать, но ада там точно нет.

Вы купили шарик?

– Да, и вот не знаю что с ним делать.

– Давайте чокнемся?

– Давайте.

Они хлопнули кулечек о кулечек и шарики разбились, сразу оба, с очень мелодичным звуком.

– Что там написано?

– Позвольте я, – Тамара открыла кулечек, – мужчина обязательно порежется... Вот. Похоже на лотерейные билетки.

– Что у вас? – спросил Валерий.

– Я... Нет, я не могу прочесть.

– Тогда наши судьбы совпали. На моем написано, что я вас люблю. И это правда.

– Но нельзя же так, – ответила Тамара. Ей вдруг захотелось прижаться к этому человеку, наверное, теплему, силь-

ному, доброму, так захотелось, что она вздохнула со стоном – а на сцене кто-то настраивал скрипку и скрипка застонала именно тем тоном.

– Нельзя, – сказал Валерий, – но я необычный человек. Мне очень хочется быть откровенным. Сегодня я ночевал у женщины и был уверен, что люблю ее. К ней неожиданно приехал отец, и мне пришлось прятаться, потом отец заснул в кресле и мы любили друг друга прямо на ковре в двух метрах от него. Утром я уже собирался сбежать и почти выходил в двери, когда кто-то позвонил. Мне пришлось спрятаться в туалет. Это была женщина, шофер, она хотела отвезти отца куда-то. Тот отказался и женщина ушла, но перед тем, как уйти, она попробовала зайти в туалет. Внутри не было крючка, а я как то не ожидал ее. Она открыла дверь и посмотрела на меня. На ней были огромные очки и под очками огромные темные круги – от усталости. Я сказал: «пожалуйста, помолчите», а она ответила «это не мое дело» и ушла. Я вышел за ней и она подвезла меня к центру. По дороге она не сказала ни единого слова. Я думал, что это настоящее приключение, я думал, что это настоящая любовь. Но ведь и настоящее приключение, и настоящая любовь начались лишь с того момента, когда мы сели рядом. Мы оба понимаем это.

Разве я не прав?

– Да, – сказала Тамара, – вам сколько лет?

– Двадцать шесть.

– Прошлым летом я была влюблена в безумно красиво-

го мужчину, которому тоже было двадцать шесть. Двадцать шесть – мое роковое число. Правда ведь бывают роковые числа? Он был врач и давал мне уроки массажа. Я никогда не собирала волосы перед встречей с ним, потому что наши руки никогда не соприкасались. Но у меня длинные волосы (я слегка подстриглась сейчас) и иногда его рука касалась моих волос.

Я старалась запомнить эти мгновения и ночи напролет повторяла их в памяти, повторяла, повторяла... А однажды его рука сама потянулась к моим волосам, и я поплыла, это было как бред. Тогда я думала, что это была любовь. Но ведь настоящее начинается только сейчас, правда?

Скрипка была унесена и заменена огромным дикарским барабаном, с бахромою по краям. Человек во фраке и в маленьких очках начал царапать барабан длинными ногтями.

– Я думала, что по барабанам бьют, – сказала Тамара.

– Но мы ведь на концерте авангарда, – ответил Валерий, – здесь барабаны царапают, на рояле играют, не открывая крышки, а на флейте – втягивая воздух в себя. Что вы здесь делаете?

– Никто не хотел идти, я пошла, чтобы не пропадал билет. Нам их распределили. А вы?

– Я музыкант. У меня есть несколько прекрасных композиций, которые никогда не исполнялись. Меня сюда пригласили.

– Так это непонятно, – сказала Тамара, – мне кажется, что

вы самый родной на земле человек. А мы ведь даже не познакомились и говорим на «вы». И если бы я отказалась идти, или вы сели бы на другое место...

– Можно я вас поцелую?

– Можно не спрашивать.

Сцену наконец-то привели в порядок и концерт начался.

Первым выступал Ямпольский. Он вышел, раскланялся и лег у рояля. Одновременно он объяснял смысл своих действий.

Композиция, по замыслу, изображала просыпающуюся душу.

Постепенно душа переходила от лежания к сидению на стуле (причем была очень удивлена, заметив, что у рояля есть клавиши), потом к сидению на рояле, потом к стоянию на рояле, потом к выбиванию на крышке рояля чечетки. Заканчивалось все троекратным возгласом: «Слава Христу!»

– Но ведь обещали фортепианную музыку, – сказала Тамара таким уютным голосом, что хотелось зарыться в него, как в подушку и плакать навзрыд.

– Совершенно верно, – ответил Валерий, с каждым словом натягиваясь в душе как струна, – совершенно верно. Он ведь играет на рояле. Разве нет?

Тамара тихо засмеялась и смущенно оглянулась. Соседка справа спала, ее мальчик лет шести лазил у ног, между сиденьями, и что-то ковырял в полу.

Потом выступила группа «Детство». Группа играла на

детских инструментах, которые в свое время бойко и бездарно штамповались промышленностью, тогда еще живой: деревянное синее пианино с двенадцатью клавишами, дудочка с кнопками, ручная шарманка.

– Вы кто по Зодиаку? – спросил Валерий.

– Рак.

– Это замечательно. У меня есть композиция, которая называется «Рак». Для исполнения мне нужна цепочка, такая как у вас на шее.

– Вы собираетесь выступить?

– Может быть.

Первое отделение еще вместило: двух пожилых флейтистов, игравших, не прикладывая инструменты к губам (стуча пальцами перед микрофоном); квартет «ходящие по кругу»; импровизатора на тему произвольно предложенного шума. (Импровизатор был по-своему гениален и чем-то напоминал пушкинского).

В начале второго отделения произошла заминка:

Преображенская Наталья, которую все-таки впустили, заявила, что не будет выступать в этом зале. Она вышла на сцену, дождалась аплодисментов и сказала:

– Пусть выступает кто хочет. Я здесь выступать не буду.

Зрители радостно шумнули, предчувствуя скандал.

Корреспондент чего-то мелкого и очень местного уже пробирался к знаменитости.

– Дайте мне цепочку, – попросил Валерий.

Он вышел на сцену и поднял руки. Тишина осела, как оседает пыль.

— Господа! — сказал он, — сейчас, в честь моей любимой женщины, шестой ряд, место девятнадцать, будет исполнена композиция «рак». Исполняется на фортепиано и на вот этой цепочке, которая только что была на ее шее.

Он открыл крышку и закрепил цепочку на струнах. Нужные струны он скрепил шестью кусками лейкопластыря (который сразу же нашелся). И начал играть.

Скрежещуие, полустертые, подчеркнутые, глухие, острые, оборванные и затянутые звуки длились, вздымались, клубились, взлетали, кружили, опадали, тихли. Рак полз, шевеля клешнями, перебирая лапками, глядя на обмерший зал блестящими глазками на стебельках. Иллюзия была совершенной. Он закончил. Тишина.

После концерта он дал интервью. Корреспондент спрашивал, как можно добиться таких звуков с помощью всем известного рояля, пусть хотя бы и с цепочкой на струнах, и Валерий отвечал, слегка высокопарно, что рояля недостаточно, но нужен синтез инструмента, неординарного мышления и любви к лучшей из женщин. Лучшая из женщин стояла здесь же и улыбалась так, что Люда (лежа в перинах, вся блаженная, уже выспавшаяся, глядящая от скуки в телевизор) схватила Барсика за шкурку и швырнула в произвольном направлении. Барсик изменил произвольное направление на лету и свалил аквариум.

Не растерявшись, стал лопать рыбок.

– Что ж ты думаешь, – спросила Люда телевизор (который уже показывал следующую новость), – что ж ты думаешь, что я тебя отдам? От меня разве кто-нибудь уходил? Думаешь, твоя стерва будет долго улыбаться?

Сказав так, она успокоилась и стала раздумывать над планом. Хороший план все не приходил в голову и она решила отложить проблему в не слишком долгий ящик – до ближайшего вдохновения.

– Тебе куда? – спросил Валерий.

– На Космонавтов, есть такая улица, это далеко.

– Я знаю, у меня там друг живет. Ты в каком доме?

Она назвала, соврав, уменьшив цифру на два, сама не зная зачем – может быть, из женской вредности, может быть, не желая развивать отношения слишком быстро.

– Нет, – ответил Валерий, – в тридцать восьмом живет мой друг. Высокий такой, с усами, в одном усе седина, хороший рыбак. Зовут Пашей. Ты должна его знать. Почему ты так смотришь?

– Я потом тебе скажу. Я совсем забыла.

Она вышла на улицу и присела на скамейку, ожидая. Над деревьями скользили птицы, трепыхаясь на виражах, облака лежали двуцветными полосами – оранжево-лиловые – и собирались вдаль в плотный темный орнамент, совсем не бо-евой окраски.

В ближайшем кафе играла музыка без слов, слышался смех и голоса, и обезумевшие липы выбрасывали от корней листья величиной с лопушиные и сердце пело от любви, в то утро возле дома номер тридцать восемь стояли милицейские машины и всезнающие старушки рассказывали, что бедного Пашу разрезали «прямо на куски», а она, не слишком-то веря, отвечала, что разрезать человека на куски нельзя, слыш-

ком много костей.

Потом Пашу вынесли, накрытого простыней, и увезли. Но милиция осталась, ходила по домам, выпрашивала, выпрашивала, а приехавшая мама, которая боялась абсолютно всего, все объясняла домашним, что ничего говорить нельзя – время сейчас такое, убьют ни за грош. Ни за грош... Что-то долго нет его.

Валерий прошел за кулисами к служебному выходу, переговорив по дороге с двумя старушками. Одна из старушек утверждала, что авангард это хорошо, другая заявляла, что даже слова такого «авангард» не знает. Оставив старушек, он свернул в боковой коридор (как много здесь коридоров) и оказался у кассы. Дверь была не заперта и он вошел. В ящике стола были деньги. Он начал считать.

– Молодой человек, билет купить можно?

Валерий поднял глаза.

– Нет, мы уже закрыты.

– А что же вы здесь делаете, если вы закрыты?

– Граблю кассу, разве не заметно?

Старичок с собачкой отошел.

Подумав, Валерий положил деньги на место. Слишком малая сумма, чтобы рисковать. Да и не стоит грабить искусство, его и без тебя двести раз ограбили. Достаточно доказать себе, что способен – и все же, какие мерзкие червячки в душе.

Он вышел, поддержал спор старушек об авангарде (сейчас

как главный аргумент фигурировал дикарский барабан, на который неуважительно облокотили швабру) и пошел к служебному выходу.

– А вот и я.

Тамара улыбнулась.

– Ты не рада?

– Конечно рада. Твоего друга зовут Паша?

– Да. Смотри какой вечер. Больше всего в природе я люблю вечера. Кто-то будет говорить, что это меланхолия или дешевая романтика или еще что-то в этом роде. Но я все равно люблю вечера. Они прекрасны – тишиной, свистом ласточек, легким ветром в деревьях, который стал слышен, легким разворотом всех смыслов в сторону вечного, дальним скрипом трамвая на повороте и близким его гудением. Ты замечала, что трамвай на остановке гудит как пылесос? Это слышно только вечером. Вечером слух становится зрячим, а зрение... даже не знаю чем. Но ты понимаешь о чем я говорю.

– Да, – сказала Тамара, – я чуть-чуть тебя обманула. Я живу в тридцать шестом, а не в тридцать восьмом.

– Ну конечно, там ведь Паша живет. О чем мы говорили, да.

Я иногда сочиняю музыку. Знаешь, всегда вечером. Правда, я очень мало сочиняю. Ты меня не слушай, я чепуху несусь, я просто в тебя влюблен. Некоторые сочиняют ночью, пьют кофе, другие сочиняют под шум телевизора или под нена-

строенный транзистор. Это дает им новые темы. Есть у нас такой Епифанин, он сочиняет только в метро, когда очень шумно. А мне нужен вечер. Я люблю летние вечера, когда темнеет медленно.

– Я знала Пашу, – сказала Тамара.

– Тем лучше. Значит, это судьба, мы обязаны были встретиться.

– Я его знала, – повторила она.

– Когда?

– Еще недавно.

– Еще недавно мы ездили в лес. Нас было шестеро, но тебя, к сожалению, не было. Ах, как жаль, что тебя там не было.

Знаешь, пригласили кого попало...

– Его убили.

– Кого?

– Пашу. Его зарезали ночью. Говорят, что очень жестоко.

Ты видел его в тот вечер...

– Видел, – сказал Валерий, – у него был нож, правда нож, это бы плохо кончилось... Это кончилось плохо... Я знаю, кто это сделал.

– Лучше не знай.

– Почему?

– Я хочу, чтобы ты остался жив. Тех, кто знает, убивают.

Кошка Барсик доела рыбок; телевизор стал болтать на светские темы (как маразматик, бубнящий сам для себя) и его пришлось выключить; проявился узор на обоях (до сих пор был незамечаем): ромбик, в котором ютились шестнадцать других, поменьше, причем самый маленький ромбик был нарисован неправильно – и этот маленький раздражал просто до бешенства.

Телефон опасно молчал. Остальная мебель тоже притихла. А

Валерий где-то гулял сейчас со своей прекрасной дамой, похожей на печеное яблоко (со словом «печеное» Люда переборщила); они гуляли в тиши вечерних улиц, смеялись за столиками кафе, целовались до одури в тени старых лип, потом шли к ней... Нет, этого Люда вынести не могла. Впрочем Лерик оставил свой телефон.

– Алло?

Голос старой женщины, любящей поплакать и подекламировать обиженные монологи за чужой счет. Люда сразу же пририсовала к голосу продолжение: сначала лицо, потом волосы, потом обвислый бюст и непомерную толщину внизу; толщина удивительным образом звканчивается красными туфельками тридцать шестого размера – напоминание о том, что молодость все же была.

– Алло? – Нетерпеливо.

– Простите, мне нужен Валера.

– Кто спрашивает?

– Подруга.

Повесили трубку. Значит, подруг там не любят. Люда за-секла двенадцать минут, для неровного счета, и проплакала их, чтобы не терять зря времени. Потом снова набрала номер. Сейчас она говорила другим голосом, жестким.

– Да, Валерий Деланю. Да, из больницы. Получили результат кардиограммы. Да, важно. Нет, сказать могу только ему. Только не надо мне объяснять, что такое врачебная тайна! Передайте трубку и все.

Голос отвернулся от трубки и позвал Валерия.

– Я слушаю.

– Это я, Люда.

– Да, я слушаю.

– Приезжай немедленно.

– Я не могу сейчас. Завтра похороны Аси.

– Если ты не приедешь сейчас, то завтра будут и мои похороны. Ты знаешь, что я в детстве бросалась с шестого этажа? У меня под окном асфальтовая дорожка. Я не умру, но сломаю себе спину и отобью все внутренности. Я останусь жить калекой и долго проживу. Каждый день я буду писать тебе письма и присылать свои фотографии. Если ты не приедешь...

– Но я действительно не могу!

– Мне нужно только тебя увидеть. Я только увижу тебя, и ты уйдешь. Это же так мало. Я не задержу тебя больше чем на минуту. И у меня есть новость для тебя. Обещаю, не больше, чем на минуту.

Валерий согласился. Спасибо, Господи, что ты создал мужчин такими одинаковыми.

В двенадцать Валерий захотел спать. Люда легла ему на грудь и заплакала.

– Что случилось?

– Я плачу от радости. Я так люблю тебя. Когда я впервые поцеловалась (это было классе в седьмом), он сказал мне: «это было так приятно». С тех пор я все ждала, что кто-нибудь скажет мне те же слова. Говорили любые, но не эти. Скажи мне так, ну пожалуйста!

Она начала его целовать.

– Это было так приятно.

– Нет, неправильно, ты неправильно сказал слово «так», скажи еще раз...

– Это было так приятно!

Люда заплакала еще слаще.

– Как я покажусь домой? – спросил Валерий.

– Я позвоню и скажу, что пришлось делать срочные анализы или что-нибудь такое. Ты придешь рано утром. Я обещаю, что позвоню. Теперь спи, мой единственный, мой самый хороший, мой великолепный мужчина, только мой. Я могу спеть тебе колыбельную, как маленькому. Впрочем, ты уже заснул.

Она полежала еще минут десять для верности, наливаясь счастьем с каждой минутой, и аккуратно откатилась от ров-

но дышащей груди. Села на уголке кровати, у ног, и полюби-
валась на своего полубога. Какой ты у меня...

Потом она вышла в зал и набрала нужный номер.

– Алло? – Все тот же голос.

– Вы хотите знать, где Валерий?

– Кто говорит?

– Говорит его любовница. На похороны он не придет. Ва-
ша Ася была стервой и спала с кем угодно, но не с законным
мужем. Поэтому справляйте ваши праздники без него.

– Это он сам так сказал?

– Сам. И попросил меня передать. Сам он больше не мо-
жет слышать твоего голоса. Соберешь вещи к девяти утра и
поставишь у порога. Я пришлю своих друзей, которые эти
вещи заберут. Не вздумай что-нибудь украсть. Мой брат –
районный прокурор. Я еще отсужу у тебя пол квартиры и всю
мебель! Мои соболезнования.

Она положила трубку.

Валерий спал беспокойно, вздрагивая и бормоча во сне.
Она присела на стульчик у кровати и принялась смотреть.
Смотреть – а что еще нужно? Ее глаза стали мудрыми и спо-
койными. Сама себе она казалась большой птицей, охраняю-
щей своего маленького детеныша. Огромной птицей из ска-
зок, с когтями, зубами и драконьим хвостом, такой птицей,
которая может поймать и принести слона, например, если
любимому захочется снорятинки. Валерий улыбнулся во сне
– кого он увидел? А если кого-то другого?.. Сама себе она

казалась огромной птицей с когтями, зубами и драконьим хвостом, такой птицей, которая найдет и разорвет любого злодея, посягнувшего на святость гнездышка. Найдет в любой башне со стенами трехметровой толщины. Было совсем поздно, но совсем не хотелось спать, есть тоже не хотелось, хотя поужинать она, кажется, забыла.

Где-то в арабских сказках, тех самых, в которых водятся огромные птицы, говорится, что за дальним кольцом гор живут существа, которые не спят, не едят и не пьют, а только славят Аллаха. И это заменяет им и сон, и еду, и питье. Что-то такое Люда читала. Счастливые они.

Когда начало сереть и уже видно было, что день придет ясный и солнечный, она очнулась. Выключила лампу. Вышла в зал и позвонила снова.

– Да, это я. Да, я знаю, что очень рано. Но сделай для меня, пожалуйста. Сегодня в девять утра пойдешь (она назвала адрес) и заведи чемоданы Валерия. Запомнил? – Ва-ле-ри-я.

Чемоданы будут готовы. Если не готовы, то заведешь то, что есть. В разговоры не вступай и веди себя корректно. Не говори от кого. Потом принесешь мне. Спасибо. Я никогда не забуду этого.

– Ты улыбнулся сегодня всю ночь, – сказала она Валерию, когда он открыл глаза.

Было около девяти утра.

– Я не помню, что мне снилось.

– Ты называл мое имя, – соврала Люда и мгновенно пове-

рила в свою ложь.

– Правда?

– А еще звонили твои. Они сказали, что не хотят тебя больше видеть. Даже на похоронах. Сказали, что соберут твои вещи и пришлют с утра. Будешь теперь жить у меня. Скажи, что ты меня любишь.

– Люблю.

– Ты сказал правду?

– Правду.

– А как звали ту женщину, ради которой ты выступал?

– ?

– Я видела в новостях.

– Тамара.

– Ты ее любишь тоже? Я знаю, что такое бывает, когда любишь сразу двоих. Но я хочу забыть о ней. Я не позволю тебе с ней встречаться. Обещай мне.

– Обещаю.

– Мужские обещания ничего не стоят, – сказала Люда, – но я помогу тебе сдержать слово. Ты хочешь есть?

– Нет.

– Нет, хочешь. Сейчас я заварю кофе и принесу тебе в постель. Твоя Ася умела готовить завтрак?

– Так себе.

– Почитай пока журнальчик – она бросила ему Плейбой. И заметь, что я ничуть не хуже этих американок, смазанных маслом и загорелых как лошадиные задницы. Тебе со слив-

ками или черный?

Вскоре принесли чемоданы и Люда заставила проверить, все ли на месте. Чемоданов было два, один из них инвалид – с протезом вместо ручки.

– Ты пойдешь на похороны? – спросила Люда.

– Я должен.

– После всего этого?

– Я должен.

– Тогда пойдем вместе, согласилась Люда. – Теперь мы все будем делать вместе. Когда она умерла?

– Трудно сказать. Аппарат отключили только позавчера, хотя она мертва уже неделю. То есть, ее нельзя было оживить. Я думаю, если существует душа, то где она в это время – когда человек умер, но сердце еще бьется?

– А душа существует?

– Я не знаю. Я побывал на том свете, но ничего не помню.

Просто провал. Ты закрываешь глаза, а когда открываешь, уже наступило завтра. Из времени вырезан кусок, как из киноленты.

– Значит, души нет?

– Я просто был очень пьян.

– А мне хочется, чтобы душа была, – сказала Люда, – мне так много всего хочется и хочется рассказывать тебе обо всем.

Просто так, просто все подряд. Мне хочется свернуться калачиком и выставить шейку, как кошки делают; хочется

полетать на воздушном шаре; хочется танцевать и хочется слушать тишину, хочется стать великой актрисой и хочется быть просто частью тебя и хотеть только того, что хочешь ты.

А что хочешь ты?

«Какое жуткое чувство. Я помню, такое же возникало раньше при чтении всемирной истории – там только смерти, смерти и смерти. История – компот из смертей. А жизнь – тот же компот, но сильно разбавленный. Пусть я я разумная песчинка в бесконечном космосе; это сравнение не унижает, оно в мою пользу. Потому что разумен я, а не космос. Но я – разумная песчинка в невообразимых разумных пустынях из таких же песчинок, как я. Они все умерли или умрут – для чего? Для чего все эти биллионы смертей и жизней? Что могу значить я, если даже законы моисеевы – ничто по сравнению с зубастой бесконечностью, которой не может вместить разум (значит, разум все же конечен). И если я – ничто, то зачем были нужны мои страдания, зачем мучить человека не протяжении стольких лет, если в результате лишь ничто? Пусть еще удовольствия, они хороши хотя бы тем что до поры до времени я помню, что они были. Но зачем же нужен этот ярчайший выблеск пламени между двумя ничто? Почему моя память впечатывает намертво мельчайшую былинку этого мира, словно пытаюсь удержаться за этот мир? Сколько росло таких былинки до меня и сколько еще будет расти? И, с другой стороны, если все хорошее, что мог бы я совершить, бессмысленно, то какая разница – совершать ли его? Зачем же тогда эта тяга? Зачем же так хочется построить

из своей жизни довольно слабенькую уменьшенную копию вечности, притвориться вечностью, как гусеница притворяется палочкой? А насколько более глупы всякие женские отращивания грудей и других частей тел – ведь это же совсем ненадолго, ведь рядом, на каждом шагу, полчища таких же, да и еще получше. Ведь рядом – смерть. И если я ничего не значу, то и любое мое преступление, если я захочу его совершить, сотрется в этом бесконечном шуршании мертвых пылинок, каждая из которых была личностью и к чему-то стремилась. Зачем? Кажется, будто ты попал в огромную и огромно глупую игру, где выигрыш для всех и для всего одинаков – смерть. Смерть совсем не страшна. Страшно то, что была дана возможность жизни. Как легко умирать ничтожествам: им только поднесли под нос черствую корку и отобрали. А если ты не ничтожество? А если у тебя отобрали не черствую корку? Кто мог изобрести бесконечную череду этих глупейших, в сущности, издевательств?...»

– Что ты пишешь? – спросила Люда.

– Дневник.

– Записываешь события?

– Нет.

– Почитать можно?

– Нельзя. Это не для чтения.

Люда перевернулась и легла на живот, подперев щеки ладонями. Сейчас он видел только ее глаза и волосы над валиком дивана.

– Но о чем это?

– О преступлении. Если бы я совершил что-то очень мерзкое, например, зарезал бы своего друга, или даже тысячу лучших друзей, это бы забылось со временем. Тогда какая разница что именно я делаю?

– Ты что, хочешь зарезать друга?

– Нет, это уже сделали без меня. И кажется я знаю кто. Но я бы достал денег – я жить хочу.

– Заяви в милицию. Впрочем, не нужно. Не стоит мешать людям делать свое дело. Сыграем в карты?

– Я выиграю. Мне ведь до сих пор везет.

Она встала и нагнулась к ящичку, вынула колоду.

Поймала себя на мысли, что совершенно не может сопротивляться его улыбке. Почему мне неприятно это? Да, другие женщины; они тоже не могут не отвечать ему улыбкой.

Приятно иметь такого мужчину, должно быть приятно, но...

– Какая это карта?

Валерий задумался.

– Семерка пик.

– Нет, восьмерка. Но почти угадал. А эта?

Долгий звонок в дверь.

Три человека в форме:

– Здесь находится Валерий Деланю?

– Да.

Старший оттолкнул ее и бесцеремонно вошел. За ним еще

двое и понятые. Двое в форме схватили Валерия и вывернули руки.

– Не дергаться! Оружие есть?

Оружия не оказалось.

– Гражданин Деланю Валерий, скрывающийся от правосудия и разыскиваемый по подозрению в убийстве, шестьдесят девятого года рождения, вы арестованы. А это лично от меня – не надо было падать головой об угол, это неосторожно.

Что-то взорвалось в голове и времени больше не стало.

Дипломатическая неприкосновенность – привелегия дипломатов и матерых негодяев. Привелегия всех остальных – недипломатическая прикосновенность.

Первую ночь Валерий совершенно не запомнил. От удара плыло в голове. Он ясно увидел усатого милиционерика у входа: милиционерик докурил сигарету до половины и бросил окурочек не глядя, окурочек пролетел далеко за урной. Внутри был роскошный мраморный холл, возможно, еще со времен Феликса – тогда мучительство еще было искусством, а не только ремеслом. У камеры Валерий получил еще один удар и все, что происходило до утра, выпало из его памяти как монеты выпадают из дырявого кармана.

Утром был допрос. Допрос до смешного напоминал уличную аферу: тебя ловит за руку возбужденный дурень и срывающимся голосом просит о мельчайшей услуге – вытянуть билетик вместо него (ему что-то не везет). Выигрыш, понятно, пополам. Ты тянешь и получаешь ответ – отвечают обыкновенно с царственной невозмутимостью: «получите пятьдесят четыре миллиона».

Возбужденный дурень начинает плясать от радости и ты тоже понемногу проникаешься настроением больших цифр, хотя еще и не до конца веришь. Уже вынули из карманов пачки денег, вот они, милые, как вдруг не сошлась одна циф-

ра. Что делать?

Заплатите десятую часть выигрыша и получите остальное вдвойне, если цифра сойдется. Дурень ставит с тобой пополам и, конечно, проигрывает. Ты лишился двух с половиной миллионов, но это лишь цветочки: веселый дурень превращается в злого – ах, какой дар перевоплощения! – отдай мои деньги! – и ты выкладываешь еще два с половиной. Если при этом ты показываешь и другие деньги, то их отнимают у ближайшего угла уже без всяких представлений. Главное в этом то, чтобы ты не успел опомниться.

Итак, утром был допрос.

– Где вы были в ночь с четверга на пятницу? – суперклассический вопрос.

– Не помню – суперклассический ответ.

– Вы остались в лесу наедине с Однодворским Павлом, после этого он отвез вас в свой дом, где вы поссорились, есть свидетели, потом вы выходили купить водки и сигарет, вас опознали реализаторы, в три пятнадцать вы снова вошли в дом Павла Однодворского. Между вами произошла сцена ссоры, которую видели из окна четверо свидетелей, они тоже вас опознали, потом вы схватили нож и зарезали своего школьного товарища. Умирая, он хотел позвать на помощь и выбил окно стулом. Вы ударили его ножом еще несколько раз. После этого вы жестоко издевались над трупом и уехали на машине. Машина найдена и на дверце ваши отпечатки пальцев. На орудии убийства – тоже. Если вы не сознаетесь

сейчас – вам грозит смертная казнь.

– А если сознаюсь?

– Я учту это. Вы получите лет двенадцать.

– В эту ночь я был с женщиной.

– С Людмилой Пелишенко?

– Да.

– В эту ночь с Людмилой Пелишенко был другой человек.

Он провел с ней всю ночь – с вечера и до утра.

– Это был ее отец.

– Ее отец умер в детстве (чисто милицейская фраза).

– Но я был с ней.

– Четыре человека утверждают, что с ней были не вы: во-первых, ее постоянный сожитель; во-вторых, водитель машины постоянного сожителя; в-третьих, подруга сожителя; в-четвертых, лицо кавказской национальности, дежурившее на ступеньках.

– Но меня видели дети, которые играли там: они били друг друга по ушам и угадывали кто ударил.

– Дети видели входящего человека, но утверждают, что это были не вы. И вообще, это была не та ночь. Мы все о вас знаем.

– Меня не могли видеть у Паши, потому что я там не был.

– Может быть, но вы ведь подрались в лесу?

– Нет, мы просто боксировали.

– Это несущественная разница. Итак вы подрались, потом выпили, потом остались вдвоем. С какой целью?

– Не хотелось уезжать.

– А вот это неправда. Четыре свидетеля подтвердили, что прогулка была безнадежно испорчена местными хулиганами. Итак, вы поехали к нему домой, выпили еще немного...

– Я не ехал к нему домой.

– Но у себя дома вас не было. Вас не было и в других местах. В ночных клубах вас не помнят. Значит, вы были у своего друга. Какова логика?

– Да, – сказал Валерий, – но только что вы сказали, что меня видели в доме Паши, а теперь пытаетесь доказать это логическим путем. Так меня видели или не видели?

– Вот вы и выдали себя. Увести его в камеру.

У следователя были седые виски, добрые глаза и неуловимая странность в манере выражать свои мысли.

– До завтра.

Сказал, и в темный лес ягненка уволок.

А вот и завтра. Валерий отвезен в зарешеченном кузовке к месту, где он совершал убийство. Кузовок отпрыгал все ухабы и остановился.

– Мы возвращались вон оттуда, – он показал рукой. – А здесь Паша меня высадил. Мы отдыхали недалеко отсюда, там рядом должна быть деревня.

– Никакой деревни там нет.

В луже, оставшейся после ночного ливня, лежала примятая пустая пачка из-под сигарет, синяя с золотом. Пашка не курил.

– Это не моя и не его! – заявил Валерий, – я требую, чтобы записали!

Молодая милиционерша, похожая на болонку (мастью, телосложением, стрижкой и лицом) приготовилась записывать.

– Не надо! – приказал начальник с двумя звездочками на погонах. Звездочки ярко блестели, как блестит впервые надетое обручальное кольцо или только что выданный окрябратский значок. Начальник выглядел очень аккуратным и почти порядочным. Его лицо было приятным, складка на брюках – безупречной, сами же брюки – нужной длины. Ботиночки выглядели как только что из магазина.

– Я требую, чтобы записали! – продолжал Валерий, но уже

без прежней уверенности. – Это важная улика.

– Не надо, – отрезал начальник и Валерий стал обдумывать план побега. Обстановка не слишком благоприятствовала, но с другой стороны...

– Вам просто надо кого-то посадить, – сказал Валерий.

– Обязательно надо, – согласился начальник.

Они стояли у Пашкиного двора: Валерий и пять милиционеров, включая болонку. У двоих были автоматы, еще у двоих пистолеты, газовые баллончики, у одного резиновая дубинка. Подошел еще некто в спортивном костюме и заговорил с начальником. Из разговора было видно, что они коллеги. Некто в костюмчике был одет так же безукоризненно аккуратно, как и его собеседник. Обеими руками он ерошил волосы пухлому мальчику лет восьми. Лицо мальчика было неприятным – кривились губы, жующая челюсть двигалась как у коровы, из стороны в сторону, да и вообще с ним было что-то не так.

– А дядя Саша полицейский? – спросил мальчик (украсть ребенка как заложника – единственный выход – быстрее решайся, быстрее!), спросил мальчик и поднял голову к отцу.

– Нет, дядя Саша это так просто, – ответил отец. – А вон тот – полицейский. Смотри, какое у него пузо!

Валерий тоже посмотрел. Пузо действительно было великолепно. Пузо было одето в помятую курточку, расстегнутую сверху. Над мятым галстуком нависал подбородок – из тех подбородков которые часто кладут себе на грудь (из есте-

ственного удобства) и потому губы по-рыбы выпячиваются.

В профиль лицо выглядело даже добродушным, но толстый повернулся и посмотрел на Валерия – в глазах мутная злобность, как тина в омуте. Вот такому лучше не попадаться. Кому угодно, но не такому.

Двое с автоматами стояли в стороне и что-то обсуждали.

Если сейчас прыгнуть и оттолкнуть одного, потом другого, схватить мальчика? Нет, это бы прошло, если бы в руках было какое-нибудь оружие. Хотя бы дубинка или камень... Именно сейчас, когда они болтают. Схватить, но что потом?

Валерий огляделся. Асфальт был ярок и многоцветен: глубокие пятна свежих луж, отороченные по краям серебрянной каймой солнца; подсыхающие желтые пятна и мокрые черные; тени полупрозрачных кленов с оттенком зелени; слепящее солнце в лужах, переходящее вдали в сияющую полосу шоссе. Из Пашкиного двора вывешивали ветви абрикосы – каждый лист в каплях, зеленые плоды в яркой паутине. Медленно проползла Волга с зеркальным задним стеклом; в стекле отражались ползущие высокие облака и полоса синего неба, из которой солнце умудрялось не выходить, виляя. В глубоком отражении пролетела птица – то черная, то яркая, по-разному попадающая в солнце, – проплыли вытянутые деревья, сначала справа, потом слева; сейчас схватить ребенка и потащить его к машине; стрелять не будут, опасно; сесть в машину, наклонить ребенку голову, так, чтобы никто не понимал, что я делаю, и потребовать...

Двое с автоматами вошли во дворик. Пузо прикрикнуло на них, приказательно, и отвернулось. Начальник засмеялся, даждавшись окончания шутки. Валерий прыгнул, как с вышки в воду.

Мальчик пошевелился и сел удобнее. Валерий держал его за волосы. Двое с автоматами стояли по бокам машины. Один в лихо рассегнутой рубашке и тельняшкой под ней; другой скромный, весь добрый и белобрысый. Стволы ждали приказа.

– Не бойся, мальчик, – сказал Валерий, – сейчас мы поедem, а когда уедem, я тебя отпущу, если они не станут стрелять.

– Я не мальчик, а девочка, – возмутился ребенок. Валерий пригляделся и все встало на свои места: противный мальчик оказалась довольно миловидной девочкой, коротко подстриженной. Что уродует мужчину – для женщины в самый раз.

– Хорошо, будешь девочкой, – согласился Валерий, – поехали.

– Не уедешь, не выйдет.

– У меня выйдет, мне везет.

– Да, – девочка подумла, – тебе точно везет. Если бы мой папа не шлепнулся в лужу, а дядя Саша не чихнул вовремя, ты бы меня не взял. Ты знаешь, кто мой папа?

– Не знаю и знать не хочу.

– Хорошо, – согласилась девочка, – но когда поедem, посадишь меня на колени, я хочу смотреть.

– Ты уже большая на коленях сидеть. Сядешь рядом.

На дорогу вышло пузо с мегафоном. Дядя Саша суфлировал.

– Приказываю отдать ребенка!

– Хочу вертолет и пилота, и свободный проезд к аэродрому!

– Последний раз предупреждаю! Сейчас буду стрелять!

Первый выстрел предупредительный!

Девочка заорала как кошка.

– Ты чего это? – удивился Валерий.

– Так же интереснее, они все равно стрелять не будут.

– Почему?

– Потому что тебя просто пугают. Они знают, кто убил, но взять его не могут. Хотели все свалить на тебя, но не получается. Что-то у них не сошлось. Мне папа вчера объяснял, но я не помню точно.

– И что теперь?

– Они привезли тебя, чтобы попугать. Если бы ты сознался, им было бы легче. Но ты не сознавайся.

И девочка улыбнулась.

– Почему ты мне рассказала?

– Ты мне понравился.

Валерий огляделся и поймал взглядом болонку. Болонка удерживалась несколько секунд для приличия, потом вспыхнула, избалованная мужскими взглядами, и заулыбалась. Неужели так будет всегда?

– Выходи, – сказал Валерий девочке и она вышла из ма-

шины.

– Я ему все рассказала! – заорала девочка сразу, – он все знает!

Стволы опустились. Пузо налилось кровью и приблизилось.

– Не надо, – сказал начальник, – теперь уже не надо.

Выходите из машины и пройдем в дом. Вас ни в чем не обвиняют.

В доме было все перевернуто, кроме стола и трех стульев.

Начальник поставил и четвертый стул, предложил Валерию садиться. Сейчас он был вполне вежлив. Болонка записывала, улыбаясь и краснея. Девочка стояла тут же, за спиной у Валерия, готовая его защитить. Ее папа увел автоматчиков во двор и там стал обучать их рукопашному бою, от скуки.

Начальник показал фотографию:

– Знаете?

– Да. В тот вечер он был очень пьян.

– Значит, протрезвел до утра.

– Почему вы не можете его взять?

– Видите тот Дом?

– Да. Интересно, сколько он может стоять?

«Дом» состоял из трех блоков, стоявших вплотную. Каждый блок трехэтажный и на сваях, будто домик Бабы-яги. Под сваи уходят автомобильные дорожки, которые заканчиваются гаражами.

Угловые блоки построены буквами «Г», средний округлый, с мягкими очертаниями, из белого кирпича. Две башенки, как в средневековых замках. Стрельчатые окна, легкая готика во всем. Таких владений Валерий не видел даже в зарубежных фильмах.

– Этот Дом принадлежит его отцу. Вот поэтому мы никогда его не возьмем.

– Не можете?

– Можем. Но не возьмем.

Валерий взял фотографию и стал разглядывать. На фото именинник, тот самый, который махал ножом и мочился в костер. На фото он сидел за рулем открытой машины и улыбался, откинув голову назад; ветер ерошил волосы; спортивный белый костюм, вот чехол для ракеток, вот сзади девочка с хитрыми глазами. Ее глаза всегда были хитрыми, – подумал Валерий.

– Он играет в теннис?

– Регулярно. Еще он занимается верховой ездой и вертолетным спортом.

– А это кто такая?

– Его спаринг-партнерша. Чемпионка города в своем возрасте. Вместо того, чтобы тренироваться, набрасывает ему мячи. Всем ведь нужны деньги.

– Сколько ей лет?

– Четырнадцать. Чемпионкой была в двенадцать.

– А сейчас?

– Ее звездный час уже прошел. В спорте нужно или тренироваться, или проигрывать.

Девочка четырнадцати лет, в короткой юбке, в пучком темных волос ухнула мяч слева и промахнулась. Опоздала с ударом. Да и трудно играть со слабым противником – расслабляешься и постепенно теряешь класс.

– Все, – сказал Юра, – будешь так играть, прогоню. Играем еще раз. Если я возьму больше двух геймов, то за сегодня своих денег не получишь.

Деньги Жене был вообще-то не нужны, и так уже зарабатывала немало, но она попробовала собраться.

Зал был большим (на четыре площадки) и пыльным. Солнце косо заглядывало в окна. Вместо зеленых фонов висели разноцветные спортивные полотнища и мяч терялся из виду, особенно при свечках.

Еще полчаса они пропыхтели молча, только Женя поставила на сильных длинных ударах. В этот раз она выиграла на ноль. Тренер стоял на балконе, наблюдая.

Он думал о том, что пора бы заменить стойки и покрасить линии. А если еще выгнать из зала культуристов и сделать хорошую стенку, то можно набирать группу совсем маленьких, лет с четырех. Конечно, они ничему не научатся, но деньги будут исправно платить. Еще он думал о ногах Жени, ноги толстоваты, как и у всех теннисисток, которые много тренируются; толстоваты, и ступни она ставит неверно.

Жаль, что ей всего четырнадцать...

– Молодец, – сказал Юра, – я устал, идем в душ.

– Я еще потренируюсь немного, – ответила Женя.

– Я сказал, идем в душ. Не туда, в мужской.

Женя уже не раз была в мужском душе и научилась делать там все то, о чем ее просили. В общем, приятная чепуха.

Тренер, Борисович, встал у двери.

– Что-то не так?

– Ей четырнадцать лет.

Зная характер Жени, он ни за что не опасался, но следует соблюсти приличия.

Женя скривила нос:

– Аркадий Борисович, мы еще потом поиграем?

– Если у тебя будут силы.

– Я заплачу, – ответил Юра, – а если будешь мне мешать, то мои друзья изнасилуют тебя в туалете. (Он начал снимать рубашку и расстегивать шорты). И вообще, в душе я собирался только мыться.

Они вымылись и вышли в зал. Юра был только в полотенце Женя тоже. Она шла босиком, ступая на всю ступню – те, кто много тренируются, всегда ходят мужиковато.

Она не особенно стеснялась. Плевать ей на всех.

– Веди, – приказал Юра.

Борисович привел их в маленькую комнату с портретами теннисных звезд на стенах. В комнате был стол с лампой, два стула, топчан с подушкой и ворох старых теннисных принад-

лежностей на полу, под стенкой. Полбутылки водки на столе.

– Я подумал, – сказал Юра, – ей все-таки четырнадцать, не стоит дразнить судьбу. Поэтому ты будешь сторожить у дверей. С той стороны, конечно. Деньги возьми в кармане.

Борисович вышел.

Чемпионка из нее все равно не получится, думал он, а ножки у нее что надо. Пусть пользуется тем, что есть. Нужно поменять освещение и не открывать окна в манеже, особенно весной. Слишком много налетает воробьев. Свили себе гнезда и живут как у себя дома. Потом не отчистишь ковер. Он пожалел о том, что не прихватил с собой полбутылки.

Все-таки скучно просто стоять и ждать. А Женька-то хороша: притворяется простой, но знает, что делает.

В доме номер двадцать семь, комнате с вынесенным зеркалом, той самой, где еще недавно четырнадцать бутылок стояли на столе полукругом, где гроздьями висели на шторах муравьи, сейчас разговаривали асина мать, ее отец, дед и двое молодых мужчин.

Один из мужчин был спокоен, немногословен и вежлив; он сидел за столом и очень быстро исписывал карандашиком страничку блокнота. Он представился корреспондентом «Новостей» и обещал сделать сюжет об Асе, о ее трагической судьбе.

На столике лежали фотографии, в конвертиках и без, один старый альбом, школьные тетрадки, листочки с записями, сделанными ее рукой.

– Какой она была? – повторила мать. – Умной. Умной, но легкомысленной. Не была доброй, это я почувствовала даже на себе. Хотя она была моя дочь, моя, по-настоящему. Была легкомысленной, но во всем важном – рассудительной. Могла увлечься, загореться, притвориться. Притворялась часто, любила быть фальшивой и любила, чтобы все об этом знали. Вот такая. Это все даже на фотографии видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.